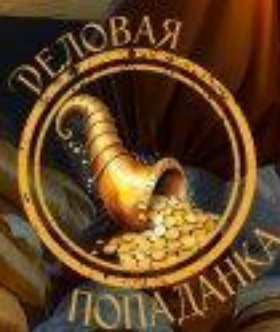

МАРИЯ МИНЦ

Хрустящие
БУЛОЧКИ
от попаданки

Мария Минц

Хрустящие булочки от попаданки

«Литнет»

2024

Минц М.

Хрустящие булочки от попаданки / М. Минц — «Литнет», 2024

Заснула в своём мире - проснулась в другом! Да ещё и в теле неудобной жены могущественного герцога, которая скончалась от яда. Герцог оказался той ещё скотиной и тут же сослал её, точнее, меня в её теле, в глушь, а сам женился на своей любовнице! Как удачно, что в глуши оказалась захудалая хлебная лавка. Значит, я точно не пропаду, ведь в своем мире я была не просто блестящим пекарем, но и владела целой пекарней! Я и лавку восстановлю, и целую деревню накормлю, и жизнь в этом краю налажу. И всё бы ничего, да вот только герцог требует от меня какой-то артефакт, о котором я понятия не имею. Чтобы найти его, он дал мне месяц, иначе мне несдобровать! Как назло, рядом с моей пекарней постоянно маячит свекровь и сестра мужа, которые явно задумали что-то нехорошее... В тексте вас с нетерпением ждут: неунывающая мастерица булочек, пирожков и прочих вкусняшек властный и непреклонный герцог, по совместительству, муж коварная свекровь, мечтающая сжить героиню со свету куча рецептов ароматной выпечки и, конечно же, ХЭ! Ещё одна история о другой попаданке:

© Минц М., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Визуалы. Часть 1	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Визуалы. Часть 2	14
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	36
Глава 14	39
Глава 15	41
Глава 16	43
Глава 17	46
Глава 18	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава 1

– Она умерла? Это точно?

– Сомнений быть не может, госпожа Рейвенн. Я проверил пульс – Милены больше нет с нами.

– Замечательно! То есть, ох, какое горе, она была ещё совсем юной девочкой...

Что за чертовщина? Я лежу на чём-то очень мягком, с закрытыми глазами, и чётко слышу два голоса: мужской и женский. Откуда они взялись и о чём вообще разговаривают? Ещё и имена какие-то дикие мелькают – Рейвенн, Милена... Что происходит вообще?

Тут до меня дошло: они обсуждают, что эта самая Милена умерла! Капец! Не знаю, кто это, но если это случилось в моей пекарне, проблем потом не оберешься. Как минимум, полиция сейчас нагрянет, объясняясь с ними потом!

Надо срочно всё выяснить.

– Господин Жамир, мне понадобится от вас заключение... – тем временем, начал женский голос. Какое именно заключение, я слушать не стала. Резко открыла глаза и рывком села.

– Немедленно объясните, что происходит! – потребовала я, – Кто вы такие и что вообще тут забы...

Слова застряли у меня на языке. Я уставилась на пожилую женщину, разодетую в пух и прах. В глаза бросилось вычурное лиловое платье, расшитое чёрным бисером, седые волосы, уложенные в высокую причёску, и ярко-зелёное перо, заливчато торчащее из неё.

Рядом с женщиной стоял грузный мужчина с пышными усами, одетый в белое.

Оба умолкли на полуслове и уставились на меня так, словно увидели привидение.

Я уставилась на них в ответ. До меня медленно дошло, что я нахожусь где угодно, только не в своей квартире, и даже не в “Булке и кренделе”. Я успела только мельком заметить роскошную кровать под розовым балдахином и просторную комнату с огромным окном во всю стену, как по ушам ударил визг.

– А-а-а-а-а!!!

Это кричала женщина. Она попятилась, во все глаза вытаращившись на меня. Её руки мелко дрожали; вот она подняла одну и начала быстро-быстро описывать круг перед лицом.

– Госпожа Рейвенн! – бросился к ней мужчина в белом. Она зашаталась и, не переставая истошно вопить, обмякла, а он подхватил её. Бросая на меня почему-то насмерть перепуганные взгляды, он подтащил женщину к большому мягкому креслу и аккуратно опустил её на него.

Повернулся ко мне, и я аж вздрогнула: его лицо было совершенно диким, а глаза – выпученными.

– Милена... как так... как вы ожили? Я же сам щупал пульс! Его не было!

– Какая я вам ещё Милена? – возмутилась я, – Почему вы меня так...

И осеклась.

Как я этого только не заметила?!

Голос.

Голос был не мой! И как я сразу не заметила?

У меня всегда был низковатый голос с хрипотцой. За него меня в школе ещё вечно Простудой дразнили. А сейчас я говорила звонким нежным голоском, больше похожим на трели жаворонка.

Да что за чертовщина тут творится? Я, наверное, сплю!

Дальше всё стало ещё страннее...

Чтобы убедиться в этом, от души ущипнула меня за руку и вскрикнула от боли. Уставилась на стремительно наливающийся на запястье синяк...

Так, ещё и руки не мои! Вместо повидавших виды ладоней сорокасемилетней женщины, коей я и являлась, я изумлённо разглядывала хорошенькие аккуратные ладошки юной девушки, с нежно-розовыми ноготками.

Ну точно, сплю! Сегодня был тяжёлый рабочий день, неудивительно, что после него снится всякая чушь.

Но кое-что проверить надо. Всё-таки интересно же!

Я откинула тяжёлое покрывало, расшитое шёлком, и решительно встала с кровати. Кричавшая женщина, которую называли госпожой Рейвенн, уже замолчала и теперь наблюдала за мной во все глаза.

Ноги коснулись холодного каменного пола. Я опустила глаза вниз и поняла, что стою на нём босиком, тапочек в округе не наблюдается, а на мне надета только длинная тоненькая ночнушка с кокетливыми рюшами.

Сроду такой не носила. Какой интересный сон, однако. Даже с ощущениями. Интересно, что будет дальше?

Стоило мне сойти с кровати и сделать шаг вперёд, как она вжалась в высокую спинку кресла, затряслась и забормотала:

– Миленочка, милая, всё не так, как ты думаешь, всё совсем не так, тебе показалось...

– Послушайте, – обратилась я к ней, – я не Милена, или как вы там меня называете. Меня зовут Наталья, Наталья Павловна Астапова, и я понятия не имею, как тут оказалась. Подозреваю, что всё это мне снится, но очень хочется посмотреться в зеркало. Оно у вас тут есть?

– Не Милена? – слабым голосом переспросила женщина, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на облегчение, – Зеркало?

– Да! – обрадовалась я тому, что наконец-то удалось наладить контакт, – Где мне его взять?

– Значит, ты и не помнишь ничего? – продолжила допытываться госпожа Рейвенн, внимательно глядя на меня. Её взгляд из испуганного вдруг стал цепким и колючим, – Например, того, что было час назад?

Разговор свернул не туда.

– Час назад, – сердито сказала я, – я была на работе и заканчивала оформлять свадебный торт. Мне его вечером надо отвезти заказчику. А потом я, видимо, задремала и вы мне приснились.

– Конечно-конечно, – быстро закивала госпожа Рейвенн, и я с досадой поняла: она мне не верит.

Ну, естественно. И зачем я только сообщила персонажу из сновидения, что мы находимся в сновидении!

– Ладно, зеркало сама поищу, – вздохнула я и решительно направилась к двери, которую заметила в противоположной стене.

Босые пятки бодро шлёпали по каменным плитам пола. Женщина и мужчина молча наблюдали за мной.

Я протянула руку к двери, как вдруг та распахнулась, едва не ударив меня по лбу. Я отпрянула и, не удержавшись, растянулась на полу, больно приложившись об него пятой точкой. Сорочка тут же задралась куда-то в район бёдер, я немедленно подтянула ноги к животу, попыталась натянуть сорочку обратно.

– Что здесь происходит? – прогрехотал над головой недовольный низкий голос. Я подняла голову и оцепенела.

А это ещё кто такой?!

Визуалы. Часть 1

Давайте посмотрим на наших персонажей... точнее, на некоторых из них.

Наталья Павловна Астапова, 47 лет, владелица небольшой, но успешной пекарни "Булка и крендель". Она, наверное, в последнюю очередь думала о том, что однажды попадёт в другой мир. Куда больше её занимал вопрос торта, который она должна была отвезти заказчику!

Милена Рейвенн, в девичестве Лави. Скромная и милая, но зашуганная девушка, которую отец выдал замуж за могущественного и властного герцога. Именно в её тело попала Наталья, когда Милену отравили... кто? Это одна из загадок, которую Наталье Павловне предстоит разрешить!

Кстати, именно в таком виде Наталья и очнулась в другом мире. Сорочка на месте!

Орландо Рейвенн, герцог, повелитель Даммервальда. Чёрный дракон. Властный и самолюбивый. Взял в жёны Милену, хотя и не любил её. Зачем тогда женился? Узнаем!

Та самая спальня, в которой проснулась Наталья, уже в теле Милены.

Приятного чтения! Дальше будет только вкуснее

Глава 2

Красивых мужиков я в жизни повидала. Но этот был как-то по-особенному красив – без мыльной смазливости или напыщенной брутальности.

Он всем своим видом излучал уверенность и силу, и казалось, что стоит ему только шевельнуть угольно-чёрной бровью, как все немедленно падут перед ним на колени.

Может, мне от неожиданности почудилось, либо с точки зрения моего положения на полу, но он казался просто гигантом, едва ли не подпирающим потолок головой.

Красавец опустил на меня взгляд, и я едва не утонула в водовороте его бездонных тёмных глаз.

Правда, всё тут же полетело чёрт знает, куда, потому что он заговорил.

– Милена? – в его низком голосе скользнуло лёгкое удивление, – Что ты делаешь на полу? Мне же донесли, что ты умерла.

Вот те раз. И так спокойно об этом говорит? Да кто он вообще такой?

Вдруг в сознании само собой всплыло имя: Орландо Рейвенн, герцог Даммервальда. Муж.

Чего? Муж?! Чей? Ещё и герцог... А герцогов не учили, что женщине, которая беспомощно лежит на полу, надо бы помочь подняться?

– И вам здарсьте, – недовольно сказала я и вытянула руку, – не хотите ли помочь? Пол так-то очень неудобный.

Теперь удивление вспыхнуло и в глазах красавца-герцога. Он молча наклонился и рывком поднял меня на ноги, да так легко, словно я ничего не весила.

Вблизи он по-прежнему казался гигантским. По крайней мере, я едва-едва доставала носом ему до плеча. И от него исходил приятный аромат, похожий на смесь лимона и можжевельника... Я тряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения.

Это всё сон, строго напомнила я себе. Очень-очень реалистичный сон. Даже боль чувствуется.

Мысль о том, что все происходящее может быть реальностью, я от себя упорно гнала. Слишком уж невероятным это казалось.

– Спасибо, – сухо поблагодарила я, но он тут же меня перебил.

– Потрудись объяснить, что здесь происходит, – с внезапным холодом велел он мне, – почему мне докладывают о твоей смерти, я срываюсь и мчусь сюда, а тут выясняется, что ты жива? Ты хоть понимаешь своим куриным умом, от какой важной встречи я был вынужден отвлечься ради тебя?

От такой неожиданной реакции я на секунду потеряла дар речи.

Ничего себе, мужёнок! Узнает, что жена не умерла, а вполне себя жива, а сам, похоже, её в этом и обвиняет!

Его красота для меня разом потускнела. Терпеть не могу таких мужиков, которые кидаются при любом удобном случае обвинять во всём женщин!

– Уж простите, что не оправдала ваших ожиданий, – ехидно сказала я, – правда, я не ваша жена. Я...

– Беда, ох, беда! – вдруг заохала женщина, которая лежала в кресле и о которой я успешно позабыла. От неожиданности я умолкла, а она подлетела ко мне сзади и стиснула в объятиях, не прекращая причитать:

– Миленочка, похоже, умом тронулась! Как очнулась, так, не прекращая, болтает всякую ерунду! Не слушайте её, сын мой, она, видимо, съела что-то не то и перепугала нас всех!

И вновь из глубин подсознания поднялось имя: Матильда Рейвенн. Мать Орландо.

А вместе с именем пришёл и страх, ледяной рукой стиснувший сердце.

Что за напасть, откуда это взялось? Я что, боюсь эту тетеньку? С какой стати-то?

– Отпустите меня! – возмутилась я и принялась выкручиваться из хватки Матильды. Но она держала меня крепко, не переставая ахать и охать над ухом. От её причитаний и удушающе-приторного запаха лилий, который я почуяла вблизи от неё, закружилась голова.

Да что же это за сон такой дурной, а? Когда я уже проснусь?!

– Значит, съела, – повторил герцог. Его голос ничего не выражал, но от этого отчего-то стало не по себе, – а вы что скажете, господин доктор?

К нему подскочил тот самый усач в белом и услужливо забормотал:

– Симптомы действительно были похожи на тяжёлое отравление... но похоже, жизнь Милены уже вне опасности... чего не скажешь о её душевном здравии...

– С моим душевным здоровьем всё в полном порядке! – возмутилась я, – Сны, правда, странные снятся, но и оскорблять-то не надо! Я вас сумасшедшим не называла. Это вы с этой госпожой как-её-там говорили о...

– Ох, девочка наша, совсем не понимает, что болтает! – вдруг возопила Матильда ещё громче предыдущего, а её руки стиснули мои плечи так, что я вскрикнула от боли, – Говорю вам, сын мой, что-то у неё с рассудком стало! Не иначе, как ваши враги какую-то отраву подсыпали!

Я почувствовала себя в сумасшедшем доме, где мне не дают и слова нормально сказать, а только голоса или обвиняют не пойми, в чём.

Как мне проснуться наконец?!

– Хватит, – вдруг коротко велел Рейвенн, и женщина умолкла, а я, вопреки воле, вытянулась в струнку.

Герцог окинул меня и крепко вцепившуюся в мои плечи незнакомку тяжёлым взглядом, прищурился и сказал:

– Госпожа Рейвенн, немедленно отпустите Милену.

– Да-да-да, конечно. Я просто не могу справиться с радостью, что Миленочка осталась в живых! – закивала Матильда и разжала хватку, напоследок вновь прижав меня к себе.

В ухо змеей скользнул её свистящий шёпот, не имеющий ничего общего с тем приторно-сладким голосом, которым она только что говорила:

– Если проболтаешься Орlando о нашем разговоре с доктором, клянусь, я сделаю так, что ты пожалеешь, что не сдохла! А я слов на ветер не бросаю, ты меня знаешь.

Она выпалила это стремительно и оттолкнула меня от себя. От изумления я на миг потеряла все слова, как плечо будто сдавило стальными тисками.

– Ай! – вскрикнула я, а герцог Рейвенн, не обращая внимания на мои протестующие крики и попытки вырваться, потащил меня за собой прочь из комнаты со словами:

– Нам надо поговорить наедине, Милена! Прямо сейчас.

Глава 3

– Ай! Ой! Больно! Да отпустите же меня, блин горелый!

Откуда всплыло это выражение про блин, сама не знаю. Видимо, от негодования и боли, потому что герцог целенаправленно тащил меня по коридору и мое сопротивление его ни капельки не смущало.

Мои пятки ехали по роскошному ковру, которым был устлан коридор. Он был возмутительно гладкий, наверное, шёлковый, потому что скользила я по нему, как на лыжах. Зацепиться было не за что.

Помешались они тут все на шёлке, что ли?

Наконец Рейвенн приволок меня в шикарный кабинет, отделанный тёмным деревом и втолкнул вовнутрь. Сам запер дверь и повернулся ко мне. Глаза его горели холодным любопытством, перемешанным с яростью.

Чего это он сердится? Это я сердиться должна!

Рука саднила от его хватки, и с каждой новой пульсацией боли я всё отчётливее осознавала: никакой это не сон. Ни один сон не способен так долго и реалистично транслировать боль.

И в то же время, происходящее уж слишком напоминало какой-то сюр. Но раз уж это реальность, то надо сначала вообще разобраться, что происходит и где я оказалась!

– Вас манерам, видимо, не учили, – буркнула я, – а ещё герцог, называется... извиниться не хотите?

– Милена, я не знаю, что с тобой случилось и что ты съела, раз так переменилась, – сухо перебил меня Рейвенн, полностью проигнорировав мои слова, – только хочу сразу сказать: это никак не повлияет на моё решение в отношении тебя.

– Какое ещё решение? – насторожилась я и на всякий случай попятилась подальше. Кинула быстрый взгляд по сторонам: ага, тут тоже есть большое окно, прикрытое тяжелыми шторами. Если что, сигану в него. Или замотаюсь в штору, как шаурма, какая-никакая защита будет.

– То есть, ты ничего не помнишь, – эта реплика прозвучала, как констатация факта. Герцог скрестил могучие руки на широкой груди и смерил меня подозрительным взглядом.

– Я помню только то, что заказчик дожидается моего торта, – сердито сказала я, – а я тут прохлаждаюсь, а где это самое “тут”, так и не поняла! Вокруг творится какая-то дичь! Помню, что завтра мне на работу к девяти, а где эта самая работа и как до неё теперь добраться, я не знаю. Помню...

– Достаточно, – оборвал меня Рейвенн, и в его голосе опять прорезалась ледяная сталь, – я всё понял.

– Да? – обрадовалась я, уцепившись за слабую надежду, что сейчас всё встанет на свои места и торт я всё-таки привезу.

И тут герцог меня напугал...

Он подошёл ко мне вплотную, толкнул к стене, прижал к ней и навис надо мной, отрезая пути отхода.

Запах лимона и можжевельника обрушился на меня с новой силой, и я против воли с наслаждением вдохнула его. Однако тут же возмутилась:

– Эй! Я не разрешала с собой так обращаться! Отпусти немедленно!

– Ты решила прикинуться сумасшедшей, – почти ласково протянул герцог, почти вплотную приблизившись к моему лицу и напрочь игнорируя мои попытки вырваться, – раз в прошлый раз твои хныканья и бабские истерики не сработали, теперь ведёшь такую игру. Я угадал?

В голове вспыхнуло воспоминание. Пронзительное, саднящее не хуже синяка на руке. И совершенно точно не моё.

Я увидела со стороны хрупкую девушку с длинными золотисто-каштановыми волосами в красивом голубом платье. Она тихо плакала, съёжившись на диване в этом же кабинете, где мы находились, а герцог нависал над ней, как чёрный коршун, и отрывисто говорил что-то. Его голос звучал презрительно, но до меня долетали только отдельные фразы.

“Я так решил и решения своего не изменю... ты бесполезна... ошибался насчет тебя... сделка с твоим отцом...”

Каждая реплика звучала, как удар хлыста, и девушка болезненно вздрагивала, дёргая худенькими плечиками.

Меня немедленно затопила острая жалость к ней и лютая неприязнь к этому мерзавцу. Как он может так обращаться с этой бедняжкой? Что она ему такого сделала?

А потом до меня дошло: это же я. Я смотрю на себя, вернее, на ту, в чьём теле каким-то образом оказалась! Хотели зеркало, Наталья Павловна? Вот и получите.

Жалость сменилась негодованием и страшным желанием заступиться за девушку. Я вздёрнула подбородок и презрительно взглянула на герцога.

– Слушай, дружочек-пирожочек, – вкрадчиво сказала я, – ты бы так сильно не прижимался, а? А то я этого ой, как не люблю, и за себя не отвечаю.

Зрачки герцога расширились, и вдруг до меня впервые дошло, что они... вертикальные. Чего?!

Но толком осмыслить этого я не успела. Рейвенн вдруг наклонился к моей шее и с шумом втянул воздух. Меня опалило жаром его дыхания, и я задёргалась. Упёрлась руками в его грудь, чтобы хоть как-то отодвинуть от себя, но тщетно. С тем же успехом я могла бы попытаться оттолкнуть камаз.

– Эй, хватит! – запротестовала я, – Ты чего делаешь?

Герцог рывком отодвинулся от меня и, выпрямившись, стиснул длинными аристократическими пальцами мой подбородок и заставил повернуть голову. Сначала левым боком, потом правым. Другой рукой он придавливал меня к стене.

Аромат, исходящий от него, окутывал меня, и вдруг я почувствовала, как сердце бешено застучало.

Только вот это были не мои эмоции. Кажется, Милана была безоглядно влюблена в него и рвалась к нему навстречу всем своим существом.

А вот у меня он вызывал ровно противоположные ощущения! Больше всего лично мне сейчас хотелось взять свою любимую скалку и запустить в него.

Я угрюмо вырывалась, но без толку. Да что ж это за маньяк-то такой! Как меня угораздило сюда загреметь?

– Я так и думал, – с каким-то мрачным удовлетворением сказал он, – ты всё та же Милана, только решила теперь корчить из себя невесту, что. Вообразила, будто это тебе поможет?

Он убрал руки и отошёл. Я тяжело дышала, потирая подбородок и с неприязнью глядя на него. Сердце гулко стучало от пережитого шока.

– Ты сегодня же отправишься в Шварцвальд, – сухо бросил он, – твои вещи уже собраны.

– Это ещё что такое? – мрачно спросила я. Звучало внушительно и жутковато.

Герцог прищурился.

– Это деревня на берегу Флисса. Твой новый дом. Отныне ты живёшь там, а мои люди проследят, чтобы ты оттуда никуда не высовывалась.

– Деревня? – обрадовалась я. Впервые за всё это время я услышала что-то хорошее. От самого этого слова повеяло чем-то уютным и домашним, – Здорово! Давно хотела перебраться за город. Чистый воздух, вода, природа...

А самое главное – подальше от этого тирана-маньяка с его невменяемым окружением, закончила я про себя.

Изумление в глазах Рейвенна вспыхнуло с утроенной силой.

– Не далее, как вчера ты сопротивлялась и умоляла меня не отправлять тебя туда, – негромко проговорил он, – что же... хотя ладно. Это не имеет значения. Гораздо важнее другое.

Он взглянул на меня свысока и небрежно бросил:

– Ты прекрасно знаешь, что я женился на тебе исключительно по договорённости с твоим отцом. Он – единственный хранитель Колоды Динге и был готов указать место её нахождения только с тем условием, что я возьму тебя в жёны. Однако сейчас всё изменилось. Твой отец исчез, не успев мне этого рассказать. Так что ты – единственная его наследница, а значит, тебе известно, где хранится Колода.

Глаза герцога потемнели от гнева, словно я была заранее виновата в том, что мой отец... точнее, отец Миланы исчез.

Сердце уколола печаль, и я почувствовала, что она исходит от Миланы. Она горевала о пропаже отца и, похоже, была совсем не рада тому, что эта чертова Колода была единственным поводом для женитьбы на ней.

– Я понятия не имею ни про какую Колоду, – холодно сказала я, – тебе надо, сам её и ищи. А меня в деревню побыстрее отправь и расправляемся.

Рейвенн прищурился и негромко рассмеялся. Смех этот был нехороший и совсем не веселый, а угрожающий. Я невольно поёжилась. Впервые всерьёз взглянула на его руки с буграми мускулов, угадывающимися под тёмным камзолом.

– Так не пойдет, моя дорогая, – хрипло сказал он, – раз твой отец обещания не сдержал, значит, ты будешь расплачиваться за него. Должен же и от тебя быть хоть какой-то толк.

Я аж задохнулась от возмущения.

– Это несправедливо!

– Справедливы здесь только мои решения, – отрезал Рейвенн, – а тебе будет, чем заняться в Шварцвальде. По моим данным, именно в тех лесах твой отец и спрятал Колоду.

Он сделал паузу и добавил, прищурившись:

– У тебя будет ровно месяц на то, чтобы её отыскать. Жить будешь в старом доме своего отца, я уверен, там отыщутся все подсказки.

– Не буду я ничего искать! – упрямо заявила я, чувствуя, как меня колотит от дикого негодования и несправедливости.

– Значит, отправишься в сумасшедший дом, – жёстко усмехнулся Рейвенн, – я слышал, оттуда не возвращаются. Это будет справедливая расплата за то, что я потратил своё время на такую никчёмную девчонку, как ты. Колода слишком ценна для меня, и я пошёл на такую жертву.

Голова пошла кругом. Это сон, это просто дикий дурной сон! Я не верю, что всё это происходит со мной в реальности!

В дверь постучали.

– Войдите, – небрежно бросил Рейвенн.

Дверь приоткрылась, и внутрь заглянул сухошавый мужчина, одетый в простую кожаную куртку.

– Всё готово, Ваше Сиятельство, – доложил он, – всё собрано, экипаж запряжен.

И исчез, прикрыв дверь.

– Чудно, – кивнул герцог и повернулся ко мне.

– Шварцвальд ждёт тебя, моя дорогая. Тебе помогут одеться, – хмыкнул он. Я с ненавистью уставилась на него, чувствуя, как всё внутри клокочет от ярости.

Он до сих пор думает, что видит перед собой безответную бедняжку Милену? Тогда Наталья Астапова покажет ему, где раки зимуют! Не знаю пока, как, но уверена, что найду способ проучить этого мерзавца!

Только при чем тут одеться? Опустила глаза. Чёрт! Я всё это время стояла тут в одной сорочке и босиком!

Резко развернулась и зашагала к двери. Но даже дотронуться до неё не успела – она вновь открылась.

Я увидела перед собой блондинку в ярко-красном платье с таким вырезом, что, казалось, он открывал даже больше, чем закрывал.

– Милый, – томно протянула она, полностью игнорируя меня, – ты не забыл, что сегодня нам нужно составить список гостей на нашу свадьбу?

Визуалы. Часть 2

А теперь посмотрим на тех, чьи изображения не вошли в предыдущую подборку :)

Матильда Рейвенн. Мать Орландо, свекровь Милены, хитрая и злопамятная. Не любит Милену и всячески протестовала против брака. Очень хотела выдать за Орландо Сильвию, но тот сделал ее своей любовницей, а женился на Милене. Спит и видит, как бы напакостить Милене.

Зачем-то постоянно носит зелёное перо в волосах. Зачем – понятия не имею ##

Сильвия Сталл, любовница Орландо и та, на ком он вознамерился жениться. Как можно жениться при уже имеющейся жене? У герцога явно есть ответ, но разводиться он почему-то не торопится.

Офелия Рейвенн, младшая сестра Орландо. В книге пока не появилась, но всё впереди. Так же, как и мать, не любит Милену и постоянно стремится испортить ей жизнь. Лучшая подруга Сильвии.

Деревня Шварцвальд, куда Орландо Рейвенн выслал Милену

Приятного чтения! Дальше будет только вкуснее

Глава 4

Я тряслась в экипаже, уносящем меня не пойми, куда. За окном мерло проплывали поля и луга, деревушки и небольшие лесочки. Ярко светило солнце, но настроение у меня было пасмурное.

Не помогало даже легкое воодушевление от того, что я еду в экипаже. Настоящем! Пусть это и не карета, в которой мне так хотелось покататься в детстве, но все-таки.

В голове безостановочно крутился мой отъезд из особняка Рейвенна. Сначала настроение мне испортила его невеста, которую, как выяснилось, звали Сильвия.

Когда она увидела меня, то мигом надула пухлые губки и недовольно протянула:

– А ты что тут делаешь, Милена? Разве ты не должна уже...

– Она скоро уедет, – хмыкнул Орlando, бесшумно подойдя сзади и стиснув мне плечо. Я тут же с неудовольствием вырвалась и отстранилась. Внутри клокотала отчаянная неприязнь, исходящая от Милены и направленная на Сильвию.

Да и мне она не понравилась. Непонятно, что такой, как Орlando, в ней нашел...

В этот момент девушка бросила на него призывный взгляд, облизнула губы и ещё больше выпятила грудь.

А, нет, беру свои слова назад. Понимаю.

Но промолчать я не могла, поэтому повернулась к Сильвии и с деланным сочувствием покачала головой:

– Ты замуж за него собралась? Не советую, милая. Если меня он уже вышвыривает в какую-то глушь, представляешь, в какой медвежий угол отправит тебя, когда надоешь?

Кукольное личико Сильвии исказило сначала непонимание, потом на нём проступила злорадия.

– Не моя вина в том, что я оказалась гораздо лучше тебя. Чтобы ты знала, мы уже давно вместе, и он с самого начала сказал...

– Сильвия, замолчи, – коротко приказал Рейвенн, и она мигом испуганно захлопнула ротик. Но тут же обиженно скуксилась и прохныкала:

– Почему она со мной так разговаривает? Я вообще не думала, что она может и пару слов связать! Милый! Почему ты меня не защищаешь, не говоришь, что у нас всё будет хорошо?

– Силь, – в голосе герцога прорезалась угроза, – я не повторяю два раза. Тебе список гостей был нужен? Прекрати болтать и жди. Откроешь рот, только когда я позволю.

Девушка поджала губки и уставилась в пол, не забывая кидать на меня настороженные взгляды, полные раздражения.

М-да. Высокие отношения. Что ж, удачи им на поворотах. Хорошо, что не мне уже расхлебывать семейное счастье с этим... чудачком.

– Милена уже покидает нас, – усмехнулся Орlando и буквально вытолкнул меня из кабинета.

Каждый раз, когда я вспоминала произошедшее, внутри меня тихая радость по поводу того, что я буду далеко от этого индюка, боролась с тоскливым отчаянием и печалью. Явно пришедшими от Милены.

Интересно, почему я это ощущаю? Какая-то память тела? Остаточные воспоминания? Это хотя бы объясняет то, что я понимаю местный язык, а местные понимают меня.

И тут меня будто молнией ударило. Милена-то отравилась! Может, мне в её теле тоже грозит опасность?

Я тут же прислушалась к своим ощущениям и покачала головой. Вроде, не похоже. Чувствую я себя хорошо, полна энергии для новых свершений. Со всеми проблемами разберусь последовательно, а пока – вперёд, в новую жизнь.

Я вытащила из-за пазухи платья – того самого, голубого, из воспоминаний Милены, которое мне принесли перед отъездом – маленький холщовый кошелёк. В нём позвякивало.

Открыла его и высыпала на ладонь пять пятиугольных серебряных монетки и восемь медных, с дыркой посередине. Это было всё, что от щедрот своих мне отсыпал Орландо, да и то, когда я поинтересовалась:

– Ну хорошо, в деревню ты меня ссылаешь, но на что я там буду жить? Мне же явно понадобятся деньги на первое время.

Клянусь, ему это не понравилось. Вообще у меня создалось впечатление, что я сама его тоже бесила. Он никак этого не показывал, но уж больно выразительно смотрел на меня своими странными тёмными глазами и сдвигал брови, стоило мне просто пошевелиться.

Кажется, новая Милена, отбросившая робость, ему была совсем не по душе.

Ну и черт с ним, правильно? Правильно.

Как бы то ни было, он небрежно кинул мне этот кошелёк с ехидным:

– Ни в чём себе не отказывай. На первое время хватит, а дальше уже сама найдёшь способ заработать.

Ух, как же меня раздражало в нём всё! От этой высокомерной манеры держаться до снисходительно-презрительного тона.

Я с такими уже сталкивалась.

Особенно запомнился один, плюгавый мужичонка с редкими волосами, от которого постоянно несло перегаром. Как назло именно он сдавал в аренду помещение, которое я присмотрела, когда только-только решила открыть пекарню. Это было очень удачное место, людное, на пересечении двух улиц и прямо напротив кинотеатра.

Однако, услышав, что я собираюсь там печь и продавать булочки и пирожки, он мерзко рассмеялся и презрительно сообщил, что место бабы – на кухне под плитусом и именно туда я и должна вернуться. Ну, а он давно хотел сдать это место под магазин рыболовных снастей.

Помещение мне тогда выбить удалось. Правда, каких усилий мне это стоило... лучше даже не вспоминать.

Тряхнув головой, чтобы избавиться от неприятных воспоминаний, я вернулась к перебиранию монеток. Знать бы ещё их ценность... те, которые серебряные, явно дороже.

“Серебряные – это хальмонды, медные – блатты, – прозвучал в ушах тихий голос Милены, к которому я уже начала привыкать, – хальмонд – это десять блаттов. Есть ещё золотые клауды, это десять хальмондов. Самые дорогие монеты у нас – астралиты, каждый стоит сто пятьдесят клаудов. Они светятся в темноте, потому что сделаны из звездного металла, но достать настоящий астралит очень сложно...”

Голос девушки звучал всё тише и тише, пока не умолк совсем.

– Спасибо, милая, – искренне поблагодарила я, – что бы я без тебя делала...

И тяжело вздохнула. Милену было очень жаль. Эх, если бы я прибыла сюда хотя бы на полчаса пораньше... уверена, я бы спасла её.

Экипаж тряхнуло на какой-то особо бугристой кочке. Я встряхнулась и вернулась к практическим размышлениям.

Похоже, этих денег мне надолго не хватит, так что надо быстро придумать, чем бы таким заняться, чтобы их заработать. Что я лучше всего умею?

Ответ лежал на поверхности. Печь хлеб, конечно же! Более, чем двадцатилетний опыт работы пекарем в окошко не выкинешь.

Но это при условии, что в доме отца Милены найдется сносная духовка или печь. С ингредиентами я на месте разберусь, как привлечь покупателей, уже знаю.

А если печь не найдется или окажется непригодной для выпечки?

Я подперла подбородок ладонью.

– Варенье можно варить, – задумчиво сказала я самой себе, – ягод у местных купить. Или яблок с грушами.

Вот, правильно. А если не найдется ничего, сварю из крапивы. Меня когда-то бабушка этому рецепту научила, так что иногда балуюсь, когда приезжаю на дачу.

Эти мысли меня успокоили и настроили на рабочий лад. Люблю, когда на руках есть более-менее чёткий план действий. А всё остальное по ходу дела образуется...

Чётче всего я знала одну-единственную вещь. Никакую Колоду я искать не собираюсь. Мне нужно бросить все усилия на то, чтобы не пропасть с голодухи и отыскать путь обратно, в свой мир. Ну, или хотя бы подальше от этого маньяка-герцога со странными глазами.

Пусть хоть полопаются там от злости, а мне надо возвращаться домой, к моей любимой пекарне и заказам. Меня же там наверняка уже ищут, а отсюда я даже весточку послать не могу!

Подумав об этом, почувствовала, как внезапно защемило сердце от тоски. Дома у меня остались только подруги. Замуж я так и не вышла, а родителей лишилась рано... Так что всё, что было в моей жизни – это любимая работа и не менее любимые подруги.

Я едва не опрокинулась в уныние, как вдруг откуда-то сзади донёсся захватский свист и конский топот. Не успела я опомниться, как экипаж дёрнулся и резко ускорился, да так, что меня потащило по сиденью и вдавило в стенку.

– Эй! – вскрикнула я и заколотила в переднюю стенку, – Что происходит? Деревня закрывается, и мы опаздываем, что ли?

Бросила взгляд в окно: мы мчались сквозь лес. И когда только успели туда въехать? Видимо, я так погрузилась в свои мысли, что не заметила!

– Беда! – прокричал мне в ответ кучер. Его голос звучал глуховато из-за стенки, – Держитесь, госпожа! За нами погоня! Разбойники!

Глава 5

Разбойники?! Тут и они водятся?

Хотя, судя по общей обстановке, местный уклад жизни больше всего ближе веку эдак к девятнадцатому... или к концу восемнадцатого в нашем мире. Так что удивляться разбойникам в лесах не стоит.

Только что-то совсем не хочется становиться их добычей!

Я крепко вцепилась в края сиденья и, чувствуя, как у меня перехватывает дыхание от нахлынувшей паники, крикнула:

– Далеко до Швабр... Швар... до деревни?

– Ещё полчаса где-то, – в голосе кучера тоже слышалась тревога и напряжение, – надеюсь, оторвёмся. Только их много!

Усилившийся топот копыт, который будто бы размножился, словно издеваясь, подтвердил его слова. Я услышала радостное улюлюканье и заметалась по экипажу.

Должно же быть хоть что-то, чем я могла бы защититься!

Экипаж опасно зашатался от бешеной скорости, и я соскользнула на пол, больно приложившись коленями. Не теряя времени на то, чтобы подняться, сунула руку под сиденье, надеясь отыскать там хоть что-то... но нашла только пыль.

Вот черт!

Почему-то особенно разозлилась в этот момент на Рейвенна. Не мог положить в свой экипаж хотя бы палку какую-нибудь! Про разбойников точно не подумал!

Хотя мне бы сейчас больше пригодился перцовый баллончик.

Внезапно мимо окна мелькнуло несколько теней, я услышала истошное конское ржание, больше похожее на визг, и экипаж резко остановился.

– Простите, госпожа! – донёсся до меня крик кучера, и до меня донёсся глухой стук...

Как будто кто-то спрыгнул с козел.

Я ахнула от шока. Руки и ноги тут же заledenели. Была у меня такая особенность, когда в моменты шока в первую очередь на пару секунд немеют конечности.

Кучер что, решил бросить меня одну в такой ситуации?!

Вокруг вспыхнул многоголосый мужской хохот и издевательские выкрики:

– Глянь, глянь, бежит!

– Что, господ своих решил бросить?

– Лови его!

Кучер заорал в ответ что-то бессвязное, и до меня долетели звуки драки, какая-то возня и почему-то рычание, больше похожее на недовольное ворчание огромное собаки.

Это ещё что такое?!

Я в ужасе забарахталась на полу, но подняться на успела. В окне экипажа возникла огромная тень, от мощного рывка дверь слетела с петель. Я тут же перевернулась на спину и шустро отползла к противоположной стене, прижавшись к ней лопатками.

Если что, буду отбиваться ногами!

И подняла взгляд на незнакомца, возникшего в образовавшемся проеме.

Вернее, можно сказать, закрывшего собой весь проём. При виде него у меня уже не только руки отнялись, но и помутилось в глазах.

Это был широкоплечий парень огромного роста, в белой рубашке с закатанными рукавами. У него были длинные темные волосы, небрежно забранные в низкий хвост. В правом ухе покачивалась вытянутая серьга. В спину ему било солнце, и я толком не смогла разглядеть лицо.

Однако кое-что было прекрасно видно. Две светящиеся ярко-зелёные точки под линией его волос, и я сразу поняла, что это глаза.

Да почему у них у всех тут что-то с глазами, мелькнула неуместная мысль. У Рейвенна вертикальный зрачок, у этого светятся... мода такая, что ли? Линзы тут уже изобрели?

– Так-так-так, кто тут у нас? – небрежно протянул он хрипловатым баритоном, окинув меня изучающим взглядом, – Одна путешествуешь, красавица?

А вот и он, разбойник, который сунулся в экипаж к Наталье. И это не последнее его появление

Глава 6

В его голосе слышалась лёгкая насмешка, но что-то подсказало мне, что прямо сейчас он не собирается со мной ничего делать. Я слегка перевела дух. Уже хорошо! Можно попробовать как-нибудь договориться.

– За красавицу спасибо, – хмыкнула я, чувствуя, как предательски дрожат руки, – только было бы совсем здорово, если бы вы помогли мне подняться.

И протянула руку. Меня тут же охватило чувство острейшего дежавю. Это же буквально повторение нашей встречи с Рейвенном! Может, хоть этот окажется более вменяемым?

Зелёные огоньки глаз сощурились.

– А ты, похоже, не робкого десятка, – хмыкнул разбойник, – ты мне уже нравишься.

И, наклонившись, подхватил меня под локоть, одним махом поднял с пола, но на ноги ставить не спешил. Почувяв неладное, я взвизгнула и отчаянно засучила ногами.

Вот черт! Совсем забыла, что я в теле Милены! В своём-то мире у меня была вполне себе плотная фигура, такую особо не потаскаешь. А Милена – тростиночка, её ветер, наверное, вовсю сдувал!

Разбойник, не обращая ни малейшего внимания на мои протестующие крики и попытки вырваться, перехватил меня за талию, вытащил из экипажа, словно куклу из коробки, и опустил на траву.

– Эй, эй, полегче! – возмутилась я, – Руки убери! Я не разрешала с собой так обращаться!

Нет, похоже, тут все мужики с прибабахом и любят распускать руки!

Я на всякий случай отскочила подальше и впервые сумела нормально разглядеть его лицо.

Или с прибабахом тут только красивые мужики?

У разбойника было приятное загорелое мужественное лицо, покрытое лёгкой щетиной. Оно больше подходило какому-нибудь аристократу, нежели лесному бандиту. Белая рубашка с расстегнутым воротом и закатанными по локоть рукавами обтягивала могучий торс, а за широкий пояс было заткнуто что-то типа шпаги.

В оружии я разбиралась очень плохо. Вот в кухонных ножах – куда лучше.

Внезапно со всех сторон поднялся гомон, и я увидела, как со всех сторон подтягиваются другие разбойники. Это были крепко сбитые мужики с мечами и саблями наперевес. У всех глаза тоже поблескивали ярко-зеленым.

Сердце уколола тревога. Так. Я одна, в каком-то лесу, окруженная целой толпой мужиков. Надо что-то срочно придумывать и выбираться отсюда!

И тут мне стало ещё страшнее. Чуть поодаль я увидела кучера, который вёз меня сюда. Он лежал на земле и смотрел на меня дикими глазами, а над ним нависал... огромный тёмно-серый пёс, который прижимал его к траве гигантской лапцей.

Так вот чьё рычание я слышала! Кошмар. Я собак боюсь, тем более, такую годзиллу!

– Эрнест, это что за малышка? – выкрикнул один. Остальные загомонили, но тот, что вытащил меня из экипажа, сделал короткий знак рукой, и все, как по команде, умолкли.

– Вот и у меня тот же вопрос, – протянул Эрнест, окидывая меня изучающим взглядом, – что в нашей глуши забыла такая красотка?

Я быстро оценила расклад сил. Ясно, что этот Эрнест – главарь разбойников, так что разговаривать надо с ним. Ну ладно.

Как-то раз мне доводилось общаться и торговаться с бригадой рабочих, которые делали ремонт в помещении под пекарню. Эти мужики были вполне похожи на тех, кого я нанимала, и тогда я тоже общалась с ними через прораба. Надо просто вспомнить этот свой опыт...

Правда, с той поправкой, что в тот раз я явно не о побелке стен буду разговаривать, и не насчет расценок на электропроводку торговаться.

Я вздёрнула подбородок, отогнала от себя мысли про страшного пса и посмотрела прямо в глаза Эрнесту. Правда, для этого пришлось задрать голову. Громко сказала:

– Я еду в Шварцвальд, чтобы открыть там хлебную лавку! Прошу меня пропустить и отпустить моего кучера, чтобы мы, наконец, доехали.

– Хлебную лавку? – протянул Эрнест, и его глаза нехорошо сверкнули. Я мигом напряглась, но опомниться не успела, как он шагнул ко мне, схватил за правое запястье и поднял мою руку вверх.

На пальце что-то блеснуло, и я с изумлением обнаружила, что всё это время на нём было кольцо. Да не простое, а с каким-то узором.

– Ты хочешь сказать, что жена герцога Рейвенна лично едет в нашу глушь, чтобы открыть хлебную лавку? – продолжил он, саркастически усмехнувшись, – Сдаётся мне, что ты маленькая лгунья!

– А ну, пусти! – я попыталась вырвать у него руку, но он держал её крепко, я усмешкой глядя на меня. Вот же настырный какой!

– Бывшая жена герцога Рейвенна, – сердито сказала я, – он сам меня сюда выслал. Не веришь, поезжай к нему и спроси!

На деле-то, конечно, про развод речь пока не шла, да и я не знаю, как в этом мире все устроено. Может, у них в порядке вещей брать себе вторую, пятую и двадцать пятую жену. Но лично я считаю, что после всего произошедшего Милена может с полным правом называть себя бывшей женой.

– Это правда! – вдруг громко сказал кто-то из разбойников, – Я что-то слышал про то, что герцог свою первую жену выгнал, а себе взял новую.

Кучер с земли тоже промычал что-то подтверждающее.

Эрнест вздёрнул бровь, на пару секунд задумался о чём-то, но хватку разжал.

– Только это дела всё равно не меняет, – вкрадчиво сообщил он мне, – чтобы проехать через наш лес, тебе придётся заплатить.

Его глаза на миг остановились на моей груди, и я, вспыхнув, отпрянула, покрепче обхватив себя руками. Только вот этого мне ещё не хватало.

Эрнест непонимающе нахмурился, но тут же расхохотался.

– Да не бойся ты! – примирительно сказал он, – мы не обижаем женщин и детей. А вот от денег никогда не отказываемся. Ты жена герцога, пусть и бывшая, так что они у тебя точно водиться должны. Отдашь сама, или мне тебя обыскать?

На этих словах его глаза предвкушающе сверкнули. Но тут уже расхохоталась я. Да, смех был немного нервный, но мне уж больно захотелось посмотреть, как вытянется его лицо, когда я ему покажу свои золотые горы.

Вытащила кошелек и высыпала на ладонь все монеты, что там были. Продемонстрировала их Эрнесту и всем остальным разбойникам.

Для верности даже подкинула в воздух пару раз.

По толпе прокатился страшно разочарованный гул. Даже у пса морда стала унылой.

– Ну что? – весело спросила я, – Заберёте всё или мне пару медяков оставите?

Глава 7

Эрнест переглянулся с разбойниками. На секунду повисла тишина, но мне показалось, словно они беззвучно переговариваются о чём-то. Словно краем уха улавливается едва-едва слышный шёпот.

Потом он повернулся ко мне и отрывисто окликнул:

– Грон! Подойди.

От толпы тут же отделился один из его разбойников, мужчина с ярко-рыжими волосами, стоящими дыбом. Он вразвалку подошёл ко мне и протянул небольшой кожаный мешочек, в котором что-то позвякивало.

– Это что такое? – с подозрением осведомилась я.

Грон молча развязал мешочек и продемонстрировал мне его внутренности. Там тускло поблёскивало... несколько серебряных хальмондов.

– Это подарок от Шварцвальдских волков, – усмехнулся Эрнест, когда я перевела на него полный недоумения взгляд, – мы с моими ребятами решили, что как-то некрасиво отпускать тебя с твоей мелочевкой, которой едва-едва на бутылку молока и краюху хлеба хватит.

Я переводила ошарашенный взгляд с него на монеты и обратно. Разбойники терпеливо ждали, только время от времени покашливали и переминались с ноги на ногу.

Подобного я не ожидала ну вообще никак. Где это вообще видано, чтобы разбойники, вместо того, чтобы грабить, сами одаривают свою жертву деньгами?

– Спасибо, конечно, – медленно проговорила я, – но я, пожалуй, откажусь. Не люблю быть обязанной кому-то, уж простите.

И тут меня осенило, и я быстро закончила фразу, чтобы не обижать разбойников:

– Если вам так хочется мне помочь, за что я, правда, очень сильно благодарна, лучше заглядывайте ко мне в лавку, когда я откроюсь. Обещаю, что сделаю вам скидку!

– Скидку? – недоуменно переспросил Грон.

А, да, вряд ли они знают такое понятие...

– Продам вам свой хлеб по специальной, более низкой цене.

Разбойники переглянулись и воодушевлённо заголосили. Кажется, моё предложение им понравилось.

Глаза Эрнеста свекнули, и он, переглянувшись с Гроном, одним кивком головы отослал его.

– Гордая, значит, – усмехнулся он, – ну, как знаешь.

Шагнул ко мне и, взяв мою ладонь в свою, сжал её в кулак так, чтобы монеты оказались внутри.

– Ты первая нас пригласила, – негромко сказал он, не отпуская её и глядя мне прямо в глаза, – так что в ближайшее время жди гостей.

– Вот и чудно, – деловито сказала я, – всегда буду рада вас видеть! Только ты это... руку-то отпусти.

Эрнест усмехнулся и вкрадчиво сказал:

– Не думай, что так легко от меня отделаешься.

Произнеся эту загадочную фразу, он разжал пальцы, выпуская меня, и махнул рукой:

– Освободите её кучера!

И, повернувшись ко мне, торжественно сказал:

– Можете езжать дальше. Добро пожаловать в Шварцвальд!

– Спасибо... эй! – спохватилась я, – а дверь у моего экипажа кто на место поставит?

До Шварцвальда мы добрались, когда уже стемнело. В красноватых отблесках заката я увидела аккуратные, пусть и немного покосившиеся домики, даже чем-то напоминающие наши избушки, сады, буйно заросшие зеленью и деревьями.

Над головами плыл мелодичный звук колокола, слышалась оживленная болтовня, кое-где вспыхивал залиvistый детский смех. То и дело кудахтали куры, лаяли собаки и мяукали кошки.

Глядя на это, я почувствовала, как на душе стало тихо и спокойно. Уж больно давно я хотела выбраться в такое место, как следует расслабиться и отдохнуть...

Стоп-стоп-стоп, Наталья Павловна, одёрнула я себя. Какое вам отдохнуть? Или вы хотите протянуть ноги с голодухи? Тогда уж точно отдохнете конкретно.

Ну да. Как-то я расслабилась. Или это Шварцвальд на меня так подействовал?

Мы прокатились по узким мощёным улочкам. Из окон на нас смотрели, высунувшись, любопытные шварцвальдцы. Некоторые окликали кучера:

– Вы кто?

– К кому приехали?

– У нас хотите поселиться?

Мне пришла в голову идея.

– Нам долго ещё ехать? – окликнула я кучера.

– До конца этой улицы! – отозвался он, – Судя по карте, которую мне господин Рейвенн дал...

– Чудно, – мягко прервала я его, – остановите прямо здесь, пожалуйста.

Он без лишних расспросов остановил лошадей. Я распахнула дверь, немного криво повешенную обратно разбойниками Эрнеста, и смело вышла наружу.

Лицо обдал свежий вечерний воздух, и я с наслаждением вдохнула его полной грудью. Пахло сеном, яблоками и немного парным молоком.

Я не стала спускаться со ступенек экипажа, чтобы стоять хоть на каком-то возвышении, и громко сказала:

– Уважаемые жители Шварцвальда! Я ваша новая соседка, меня зовут Нат... Милена. У вас очень мило и уютно, и я очень рада, что буду отныне жить здесь!

Это возымело эффект. Люди побросали свои дела и стали понемногу выходить из домов. Подходили к заборчикам, клали на них руки и устремляли взгляды на меня.

Воздух наполнился шёпотом, и до меня доносились отдельные фразы:

– Кто она?

– Впервые её вижу.

– Милена, Милена... что-то знакомое...

– Уж не Годфридова ли это дочка? Ту тоже Миленой, вроде, звали...

Я обрадовалась, услышав эту фразу.

– Кучер, – едва слышно прошептала я, – как звали моего отца?

Если кучер и изумился, то виду не подал. Ладно, надеюсь, он спишет это на мою усталость от переизбытка впечатлений. Сам после столкновения с разбойниками Эрнеста выглядит на редкость замученным.

– Годфри Лави, – таким же шепотом ответил он.

Отлично.

– Да, вы правы, я дочка Годфри! – широко улыбаясь, произнесла я, – буду жить в нашем стареньком доме. А ещё я планирую открыть у вас хлебную лавку! Очень надеюсь, что у вас найдётся подходящее помещение...

Внезапно все разговоры и перешёптывания стихли. Повисла тишина, которая показалась мне нехорошей.

Стукнула щеколда на калитке. Ко мне, прихрамывая, подошёл невысокий старик с длинными седыми волосами, заметно поредевшими на затылке.

– Хлебную лавку, значит? – спросил он бесцветным голосом, в упор глядя на меня.

– Ну... да, – кивнула я, совершенно сбита с толку такой реакцией, – а что, с этим что-то не так? Или в Шварцвальде не едят хлеб?

Варенье из крапивы, застучало в голове, может, им больше понравится варенье из крапивы.

– Отчего же, – как-то зловеще усмехнулся старик, – едят и даже очень любят. Просто есть одна проблема...

Глава 8

– Какая ещё проблема? – напряглась я.

– У нас уже три пекаря пропали, – с каким-то непонятным ехидством сообщил старик, – за неполный год. Приезжают, ну, прямо как ты, сообщают, так мол и так, хотим у вас хлеб печь и продавать. Недели не проходит, как фьют! – старик присвистнул и махнул рукой, – исчезают. Словно и не было их.

От такой новости я просто оторопела. Вот тебе и милая деревня, называется!

Я ожидала всего, что угодно, от бандитских разборок до происков конкурентов. А тут такое...

– И что, вы их даже не искали?

– Отчего же, – обиделся старик, – конечно, искали. И в подвал лазали, и в речке смотрели, и даже сено шевелили. В колодец заглядывали. Только их не было нигде. Как будто испарились.

Помолчал и добавил:

– Их даже родственники искать не приезжали.

Я оглядела остальных людей, молча наблюдающих за мной. У каждого на лицах читалось жадное ожидание: как она себя поведёт? Развернётся и уедет, или...

Или.

Я встряхнулась и решительно сказала:

– Ну, а я не пропаду. Вот увидите. Ни через неделю, ни через две!

Сказала – и почувствовала прилив какого-то мрачного азарта. Чёрт его знает, что там творится с этой булочной, но у меня просто нет другого выбора. Если есть возможность открыть свою пекарню, да ещё и на привычном для местных месте – почему бы и нет?

– Ну-ну, – усмехнулся старик, – ладно, Годфридова дочка, как знаешь. Моё дело – предупредить.

И отошёл. По людям прокатился дружный вздох разочарования. Я удивлённо взглянула на них: им что же, булочная не нужна? Ну ладно.

– Я ничего не боюсь, – громко сказала я, обращаясь ко всем собравшимся, – так что в ближайшие дни ждите открытия моей лавки!

Люди стали переглядываться, невнятно перешёптываться и расходиться по домам. Я залезла обратно в экипаж и сказала кучеру:

– Ну, а теперь можно уже и домой.

Он молча подхлестнул лошадей, и колёса экипажа с шорохом покатались по брусчатке. Я задумчиво смотрела в окно на синее небо, где уже начали зажигаться первые звёзды.

Несмотря на мою бравату, на душе было тревожно. Что за чертовщина у них в Шварцвальде творится? Люди пропали, а они тут как будто даже не особо почесались!

Может, в этом мире порядка такие? Вот бы Милена что-то подсказала...

Но Милена молчала. Она вообще не подавала голоса с того момента, как рассказала мне про монеты, и я даже почувствовала какую-то давящую пустоту внутри. Внезапно стало очень горько, когда я подумала, что она может исчезнуть насовсем, оставив меня совсем одну в чужом мире.

Но захандрить мне не дала ещё одна мысль.

А если Рейвенн знает об пропажах пекарей и специально сослал меня сюда, чтобы я сгинула?

Дом отца Милены оказался под стать другим домам в Шварцвальде. Деревянный, двухэтажный, с аккуратным крылечком и тёмно-коричневыми наличниками.

Кучер внёс на крыльцо небольшой потёртый чемоданчик, в который мне собрали Миленины пожитки в особняке Рейвенна, и вручил маленький ключ, прицепленный к тяжёлой деревянной груше.

– Счастливо оставаться, – буркнул он, развернулся и укатил прочь так быстро, что я не успела опомниться.

Я посмотрела ему вслед, пожала плечами и сунула ключ в замочную скважину. Благо, напротив дома стоял невысокий фонарь, в свете которого я её и разглядела.

Меня обдало затхлым запахом давно не проветриваемого помещения. Я внесла чемоданчик вовнутрь и едва не поседела: стоило мне переступить порог, как в темноте помещения вспыхнул ярко-оранжевый свет.

Это была настенная лампа, похожая на продолговатый цилиндр. Только нити накаливания в ней не было, зато всю светилась густая маслянистая жидкость апельсинового цвета, которая плескалась за стеклянными стенками, как живая.

– Ну что ж, – вздохнула я, – добро пожаловать мне.

Тщательно заперла дверь и отправилась на разведку.

На первом этаже дома обнаружили две комнаты, выходящие в небольшой холл, и кухня с печкой, зажатая между ними. В противоположном конце я отыскала небольшую комнатку, открыв которую, едва не подпрыгнула от радости.

В этой комнатке стояла большая железная лохань и висел крохотный рукомойник – ну точная копия того, под которым я умывалась в детстве у бабушки в деревне.

Живём! Осталось только раздобыть воду и понять, как её тут нагревают.

На второй этаж вела лестенка, попасть на которую можно было как раз из кухни. Но наверх я пока соваться не стала: после всего пережитого меня терзала страшная усталость, и больше всего сейчас хотелось рухнуть на узкий диванчик в холле и забыться сном.

Но сделать этого я не могла. Помешала одна очень раздражающая вещь.

Пыль и грязь.

Этого добра тут было навалом. Лампы-цилиндры, висящие на стенах и вспыхивающие при моём появлении, услужливо подсветили мне просто королевские залежи хлама в каждой комнате.

– Чем же ты тут таким занимался, папочка? – не удержалась я от ехидного комментария, рассматривая кучу каких-то тюков, гордо громоздившихся на покосившемся столе. На полу мотались обрывки бумаги, щепки, стружка, обломки каких-то железных инструментов...

Украшением всего этого была деревянная рыба, водружённая прямо посреди кухни. Она была размером мне по пояс, но смотрела на меня с таким пренебрежением, словно была, как минимум, рыбьим королём.

Рыба меня доконала.

Я поняла, что не усну, пока хоть немного не приберусь.

К чистоте я относилась очень трепетно, и сама мысль о том, что придётся спать посреди такого кавардака, вызывала нервные мурашки по всему телу.

– Ну ладно, – деловито сказала я и засучила рукава, – отоспимся потом. Где у него тут швабра хранится?

В поисках швабры или хотя бы какого-нибудь захудалого веника, я обошла весь первый этаж. По дороге распахивала окна, чтобы хорошо проветрить комнаты – воздух внутри был спёртый и влажный, а мне только плесени на стенах не хватало.

Швабры нигде не обнаружилось. В поисках неё я полезла за лохань... и подскочила от неожиданности, больно ударившись локтем об неё.

Со стороны двери донёсся громкий стук.

– Открывай, хозяйюшка! – слышался с улицы глухой мужской голос.

Глава 9

Кого там ещё принесло на ночь глядя?

Выкарабкалась из-за лохани, отряхнула юбку и подошла к входной двери. Протянула руку, чтобы повернуть ключ, но тут же одёрнула сама себя.

С ума сошла, Наталья Павловна? Ты одна в незнакомом месте, на дворе уже темень, а хочешь открыть дверь не пойми, кому?

В дверь опять постучали. На этот раз ещё более настойчиво.

Блин, глазка нет. И не посмотришь, кому это там так приспичило нагрянуть ко мне в гости...

Зато есть окошко рядом с дверью!

Я тут же подскочила к нему и выглянула наружу.

Около двери в свете фонаря маячил сухонький сгорбленный старичок. В руках у него была какая-то банка и небольшой свёрток.

Видимо, привлечённый движением в окне, он обернулся, увидел меня и радостно пома- хал.

Я перевела дух. Старичок выглядел совсем безобидным, ну, точь-в-точь настоящий домо- вой!

Отперла дверь и бодро сказала:

– Добрый вечер. Чем могу помочь?

– Да что ж ты как неродная-то, – хмыкнул старичок. У него оказался на удивление низкий и звучный голос, совсем не подходящий к внешности, – сосед я твой, Клаус Кох. Вот, Грета, жена моя, меня к тебе отправила, говорит, передай девочке от чистого сердца, так сказать. По- добрососедски. Она голодная, поди, с дороги-то, и худющая, ей кушать хорошо надо.

И протянул мне небольшую банку, в которой бултыхалась белая жидкость.

– Спасибо, – протянула я, беря её в руки и разглядывая, – это...

– Так молоко от Клары, коровы нашей, – словоохотливо пояснил Клаус, – как раз после вечернего подоя. Парное! Ты бери, бери, не стесняйся! А заешь вот этим.

С этими словами он сунул мне что-то плоское, завернутое в тканевую салфетку с бахро- мой. Я развернула её и увидела пару больших круглых лепёшек, посыпанных сыром. Они пахли ржаным хлебом и были ещё тёплыми.

Желудок немедленно свело, и я только сейчас поняла, насколько голодна.

– Спасибо вам огромное! – повторила я обрадованно, – Вы очень кстати! Проходите, давайте вместе молока выпьем.

И посторонилась, чтобы впустить его в дом.

Но Клаус покачал головой.

– Я этим молоком уже булькаю, – бесхитростно сообщил он, – мне бы чего покрепче... не завалилось там, случайно, у Годфри какой-нибудь наливочки?

И наклонился, чтобы заглянуть в дом сбоку от меня, как будто подозревал, что я прячу за спиной огромную бутыль.

– Ничего такого нет, – рассмеялась я, и лицо Клауса погрустнело.

– Вот у Годфри тоже никогда ничего не водилось, – пробурчал он и развернулся, чтобы уйти. Но я так просто отпускать его не собиралась.

– Уважаемый Клаус, я тут убираться начала... – заговорила я, но старичок не дослушал и тут же перебил:

– Помочь не смогу! У меня спина больная! И голова по утрам болит! Найди себе кого помоложе.

– Да я ж вас не буду просить шкафы таскать, – улыбнулась я, – мне просто подсказка нужна. Я тут только-только осваиваюсь.

Старик с подозрением взглянул на меня, будто подозревая, что, стоит ему ступить за порог, как я тут же коварно расхожусь и поволоку его таскать шкафы.

– Ну, и что нужно? – наконец, спросил он, – Только давай быстрее, меня Грета ждёт.

Я провела его в ванную комнату и указала на рукомойник:

– Как у вас тут нагревается вода? И где мне вообще её взять?

– А, это, – Клаус явно обрадовался, что шкафы отменяются, – видишь руны?

Он ткнул пальцем в две квадратные плиточки размером с ладонь, прикрученные к стене по обе стороны рукомойника. Они сливались по цвету с деревянной стеной, и сначала я не обратила на них внимания.

На плиточках были выгравированы два символа. Один был похож на букет из трех рогулин, а второй напоминал коробку, полную иголок.

– Вижу, – протянула я, – и что это?

– Ты, поди, давно у отца-то не бывала, раз позабыла, как этим пользоваться, – проворчал Клаус, – или ты так далеко уезжала? Годфри мне ничего не говорил.

Точно, спохватилась я. Ведь в Шварцвальде все считают меня Миленой, дочкой Годфри. Не буду же я объяснять им, кто я такая на самом деле... Рейвенн вон грозит в сумасшедший дом упечь, а местные жители вообще могут решить, что я ведьма, и прийти с вилами...

Глава 10

– Я в городе долгое время жила, – обтекаемо ответила я.

Клауса это вполне удовлетворило.

– Тогда понятно, – с важным видом кивнул он, – эх, избаловала тебя городская жизнь. Ты там, небось, саламандру использовала, не то, что мы...

Он махнул рукой, а я неопределенно пожала плечами. Понятия не имею, что значит “использовала саламандру”, но выяснять сейчас не буду. Саламандра так саламандра.

– Так вот, – продолжил старик, – наливаешь воды, прикладываешь руку к руне огня, – он указал на букет рогулин, – крепко прижимаешь и ждешь. Чем дольше ждешь, тем сильнее нагреется. А вот эта руна, – он ткнул пальцем в коробку, – охладит воду. Делает то же самое.

– Вот спасибо! – воодушевилась я. Ура! Теперь у меня будет теплая вода, – А эти руны... их, наверное, надо как-то подзаряжать? Не на честном же слове они работают.

Клаус захихикал.

– Раз в месяц в Шварцвальд приезжает Герберт, это наш местный маг-зарядник. Попро-
сишь у него, он их зарядит магией, на месяц как раз хватит. И недорого берет. В этот раз он через неделю приедет, ты его не пропустишь.

Я задумчиво посмотрела на рукомойник. Надеюсь, в этих рунах ещё сохранился заряд... если нет, просто холодной водой руки помою. Не страшно.

– А воду где брать? Тоже у кого-то заказывать?

В памяти всплыло, как я ездила к подруге, которая когда-то вышла замуж за турка и переехала к нему. Я хорошо запомнила, что там надо было заранее заказывать огромные бутылки с питьевой водой у специальных людей. Может, тут так же?

– Зачем? – удивился Клаус, – У нас колодец есть. Он в паре кварталов отсюда, прогуляешься к нему с ведром с утра и наберешь. Там вода хорошая, чистая!

Ага, это мне утра ещё надо дожидаться. А сейчас что делать? Без воды уборки не получится...

Видимо, старик уловил мои сомнения. Он пожевал губами и сказал:

– Сейчас ты по темноте вряд ли куда-то пойдешь, так что я тебе отолью из нашего ведра. Мы с Гретой как раз сегодня запаслись, она возражать не будет.

– Ох, даже не знаю, как вас благодарить, – прижала я руки к груди. Клаус только небрежно отмахнулся, пустяки, мол. Хотя по его лицу было видно, что ему приятно.

– А еду как греть? – задала я следующий вопрос.

Если уж есть такая возможность, то надо разузнать побольше о тонкостях жизни тут. Я же тут задержусь на какое-то время, как-никак.

– Разводишь огонь и греешь, – пожал плечами Клаус, – тебе тоже показать, что ли?

Я развела руками с показной беспомощностью: уж покажите, мол.

Ехидно ворча что-то под нос насчет безрукости и беспомощности городских, Клаус прошёл на кухню, чуть не споткнулся об рыбу – я быстро отодвинула её с дороги – и указал на небольшую кованую печку, похожую на железный короб на ножках.

– А, это я знаю! – обрадовалась я, – У меня...

И осеклась, чуть не сказав “на даче была такая же”. Старик с подозрением уставился на меня.

– У меня в книге такая же печка была нарисована, – быстро выкрутилась я.

– Ну и славно, – потёр руки Клаус, – дрова суешь внутрь, нажимаешь вот сюда, – он ткнул пальцем в небольшой штырек на боку печки, – это пробуждает дух огня. Всё быстро разгорится, поставишь наверх кастрюлю, и грей, что захочешь.

И тут же спохватился:

– Заболтался я что-то с тобой! Грета мне, наверное, уже готова голову открутить. Удачи тебе и заглядывай к нам на чай.

– А вы – ко мне в лавку, когда откроюсь, – радушно пригласила я его, и Клаус тут же помрачнел.

– Жалко мне тебя, девочка, – проскрипел он, – ведь тоже пропадёшь, как и остальные. Разговоры давно ходят, что лавка эта проклята, и вот в ней уже и люди пропадать начали...

Он горестно махнул рукой и только вздохнул.

Мне стало не по себе от таких известий, но я взяла себя в руки.

“Тебе надо зарабатывать на жизнь, – строго сказала я самой себе, – и вернуться обратно домой. Не допусти, чтобы какие-то там вшивые проклятия тебе помешали!”

– Я не пропаду, – уверенно заявила я, – и проклятий никаких не боюсь. Это они меня бояться должны. Кстати, а лавка-то эта далеко отсюда?

Клаус покосился на меня, и мне показалось, что в его глазах мелькнуло уважение.

– Как знаешь, как знаешь, – пожал он плечами, – а сама лавка недалеко. Пройди нашу улицу до конца и заверни направо, сразу её увидишь. Не пропустишь её, точно тебе говорю.

И как-то по-особенному хитро блеснул глазами и опять засобиравшись домой, постоянно поминая Грету.

Я попыталась в качестве благодарности всучить ему пресловутую рыбу, но он в ужасе отпрыгнул от неё, заявив, что жена с таким уловом его на порог не пустит. И, откланявшись, ушёл.

Засучив рукава, я принялась за уборку, твёрдо решив привести в порядок хотя бы одну комнату. Как и обещал, Клаус занёс мне воды, и мне удалось даже протереть пыль.

Уборка затянулась. Казалось, прошла вечность, пока я разбирала завалы хлама в одной из комнат, что была справа от кухни. В нём обнаружилось даже несколько сносных тряпок, которые я пустила в дело.

А самое главное, в глубине кучи мусора нашлась метла! Старая, правда, но вполне годная на то, чтобы подметать.

С ней дело пошло повеселее. Я подмела полы на первом этаже, убрала паутину из-под потолка и из углов. Как обычно, начав убираться, я уже не могла остановиться, и опомнилась только тогда, когда наведя относительный порядок в одной комнате и вытащив в холл кучу мусора, бодро нацелилась на вторую.

За окнами уже была глухая ночь.

Хватит, волевым решением остановила я сама себя, завтра в моем распоряжении весь день, а мне ещё надо разузнать, как можно начать работать в лавке!

Наскоро выпив молоко и съев одну из лепешек, любезно присланных Клаусовой Гертой, я почувствовала, насколько устала. Силы как будто одним махом покинули меня, и их хватило только на то, чтобы доползти до диванчика и рухнуть на него, даже не раздеваясь.

Сон тут же окутал меня, и я стремительно выключилась.

А с утра меня ждал один очень неприятный сюрприз...

Глава 11

Проснувшись, я не сразу поняла, где нахожусь. Почему-то вокруг было тихо, слышался только щебет птичек, далёкое мычание коров и негромкие разговоры.

А где вечный шум машин? У меня в городе недалеко от дома протекает магистраль, куда она делась? Снесли за ночь, что ли?

Поворочалась, открыла глаза и, увидев над головой потолок из обтесанных брёвен, сразу всё вспомнила.

Дом с магистралью ой, как далеко... а мне пора вставать. Пока я не разобралась, как у них тут измеряется время, а самое главное, где его посмотреть, буду полагаться на собственные биологические часы.

И они мне подсказывали, что сейчас на дворе часов семь утра, не больше. Мышцы гудели после ночной уборки, но всё перекрывало удовлетворение за сделанное. В теле Милены удалось сделать раза в полтора больше, чем я бы, наверное, смогла в моём собственном...

“Спасибо, милая,” – мысленно поблагодарила я её. Милена не ответила, но я уловила слабый импульс радости, пришедший откуда-то из глубин сознания. Улыбнулась.

Так глядишь, и я дом быстренько в порядок приведу!

На сегодня у меня по плану стояло наведаться в хлебную лавку и разузнать на месте, что к чему и почему. Самое главное – где брать сырьё и как зарегистрировать своё дело. Наверняка тут есть какое-то официальное лицо, к которому надо идти на поклон, если хочешь легально заниматься каким-то прибыльным делом...

А в том, что дело у меня прибыльное, я даже не сомневалась!

Отчаянно зевая, побрела на кухню. Там у меня лежали остатки вчерашних лепёшек.

Кстати, ещё надо бы разъяснить вопрос с холодильником. Иначе вся моя затея обернётся сплошным пшиком!

Блин, забыла вчера узнать у Клауса насчёт местных продуктовых. Ладно, пойду в лавку и поспрашиваю по дороге.

Внезапно моё внимание привлёк внезапный звук, долетевший как будто бы откуда-то рядом.

Ш-ш-шух. Ш-ш-шух. Ш-ш-шух.

Словно по траве рывками волокут мешок, туго набитый чем-то, не очень тяжёлым!

Ш-ш-шух. Ш-ш-шух. Ш-ш-шух.

И всё это сопровождается ритмичным посвистыванием.

Звук показался мне подозрительно знакомым, но я сразу не смогла вспомнить, что это такое.

Ш-ш-шух...

И тут меня осенило. Я вспомнила!

Именно такой звук получается, когда косишь траву косой! Я так и не удосужилась завести газонокосилку, поэтому периодически вручную косила траву на даче.

Тут же пришла вторая мысль, которая мне совершенно не понравилась.

Выходит, кто-то подобрался совсем близко к дому и теперь самозабвенно косит траву. Нет, так дело не пойдёт!

Я немедленно выглянула на улицу, но не увидела там ничего, кроме улицы, вдоль которой мирно тянулись домики соседей. Непонимающе нахмурилась.

А звук-то не утихает! Словно издевается.

Тут я вспомнила, что вчера, убираясь, обнаружила в противоположной стене дома ещё одну дверь. Открывать её не стала, потому что было уже совсем поздно... а вдруг это второй выход? Может, с той стороны дома есть что-то, вроде садика?

Или огородика! Это было бы совсем здорово. Овощи можно было бы свои вырастить... Но если есть садик, тогда, получается, кто-то сейчас в него забрался и косит там траву!

Эта мысль так возмутила меня, что я немедленно сорвалась с места и рысью побежала на другой конец дома, прямо к той самой двери.

Она действительно была там, темнея на фоне чуть более светлой стены, и закрывалась на простенькую щеколду. Мельком подумав, что неплохо было бы сменить замки во всем доме, я откинула её, распахнула дверь и замерла на пороге. От увиденного возмущение тут же сменилось негодованием.

Глазам предстала дивная картина.

За домом действительно раскинулся сад, небольшой, правда, зато уютный. И заросший. Розовые и белые короны пионов терялись в буйной траве, а между ними мелькали сиреневые ирисы и ярко-красные люпины. В воздухе разливался дивный аромат, и я глубоко вздохнула полной грудью...

И всю эту красоту деловито косила какая-то незнакомая женщина! Она стояла спиной ко мне, по-хозяйски широко расставив ноги, и размашисто махала косой, безжалостно срезая траву и цветы.

Это ещё что за дела?! В этом мире такие порядки – пробираться в чужой сад и там шуровать?!

– Вы что делаете? – звенящим от гнева голосом спросила я. Женщина вздрогнула, опустила косу и повернулась ко мне.

На вид ей было лет пятьдесят. Глаз тут же отметил сухощавую фигуру, затянутое в простое мешковатое платье до земли, и вытянутое, какое-то по-лисьему хитрое лицо.

– Уже проснулась? – расплылась она в широкой улыбке, – А я-то думала, подольше покемаришь... устала, небось, после вчерашнего.

– Вы кто такая? – жёстко перебила я её, отогнав неприятное чувство, что она за мной следила со вчерашнего вечера.

Улыбка незнакомки увяла.

– Теодора я, – представилась она, явно недовольная моим возмущением, – соседка твоя.

– Очень интересно, – сухо ответила я, – а почему вы хозяйничаете в моём саду?

Краем глаза я заметила дыру в штакетном заборе, который огораживал садик. Две доски из него были отодвинуты в сторону так, чтобы в образовавшуюся дыру пролез кто-то как раз комплекции Теодоры!

Калитка при этом была нетронута, и на ней виднелся тяжёлый висячий замок.

Теодора непонимающе заморгала.

– Так я ж это... ничего особенного, – пожала она плечами, – травку кошу для коровы. У тебя ж коровы нет, и у Годфри тоже не было, зачем тебе столько травы? Жалко, что ли? Молодая девка, а такая жадина, тьфу!

И, скривившись, она плюнула, явно целясь в пион.

У меня в глазах потемнело. Травы мне жалко не было. а вот цветы – очень даже. Она бы ещё корову привела в мой сад и пустила пастись! Да и вообще, что это за порядки такие!

– Вот что, – гневно сказала я, – не знаю, как у вас в Шварцвальде принято, а у нас в городе заведено так: если кто-то чужой лезет без спроса в твой сад и косит там траву, то на него тут же падает проклятие!

И, сощурившись, решительно спустилась с ступенек. Быстро зашагала к Теодоре, хмуро глядя на неё, вытянув вперёд руки и бормоча под нос первое, что пришло в голову.

А в голову, как назло, пришла только песенка осьминожек из старого мультика!

– Палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек, – бубнила я, – а теперь добавим ножек, получился осьминожек...

Конечно, если бы Теодора, которая вблизи оказалась на голову выше и раза в два массивнее меня в теле Милены, толкнула меня, я бы со свистом улетела обратно в особняк ненавистного Рейвенна.

Однако песенка осьминожек напугала её, да так, что она принялась пятиться, в ужасе глядя на меня и с надрывом причитая:

– Ой, беда! Ой, что делается-то! Ой, какие нынче девки жадные пошли, совсем не душевные, даже травой не поделятся для бедной коровки!

Добравшись до дыры в заборе, она ужом юркнула туда и испарилась. Я только услышала топот её убегающих ног по улице.

Я остановилась и выдохнула. Вытерла чуть дрожащей рукой испарину со лба.

Поправила штакетины и для верности подпёрла их валуном, который лежал тут же, под забором.

– Надеюсь, это научит её больше в мой сад не лазать, – сердито пробормотала я и решительно тряхнула волосами.

“А если нет, придётся ей ещё раз послушать про осьминожек,” – мелькнула мысль, и я развеселилась, гордясь своей смекалкой.

Так, ладно. С забором я разберусь отдельно, а теперь пора в лавку!

Я проверила штакетины ещё раз и поспешила обратно в дом, чтобы привести себя в порядок.

День только начался, а вот сюрпризы и не собирались заканчиваться...

Глава 12

Правда, перед тем, как отправиться на поиски лавки, я прихватила с собой ещё и документ, чтобы подтвердить, что я – это я. Милена, в смысле.

Правда, назвать это документом в привычном мне смысле слова было сложно. Перед отъездом Рейвенн сунул мне подвеску в виде двух переплетённых друг с другом кругов. Внутри них поблёскивал ярко-фиолетовый камушек, похожий на аметист.

– Только такая растяпа, как ты, могла забыть в дорогу свой камень рода, – недружелюбно бросил он.

– Нижайше благодарю, что напомнил, – не удержалась я от колкости. Как же ловко у этого напыщенного индюка получалось каждый раз меня раздражать своими подковырками! – только что это такое?

– Продолжаешь корчить из себя сумасшедшую? – нехорошо сверкнул глазами Орландо, – В камне рода записано про тебя всё, когда и где ты родилась, до того, замужем ли ты... – тут он сделал многозначительную паузу, – Или же нет.

Короче, полный комплект документов по удостоверению личности, ага. Ну, а что, удобно. И не надо таскать с собой кучу бумажек и книжечек, повесил на шею кулончик и радуешься жизни.

Тут главное – его не потерять. Поэтому по прибытию я сунула его в чайничек в шкафу на кухне, а перед уходом оттуда вытащила.

Теперь же я бодро шагала по улице, кидая по сторонам изучающие взгляды. При утреннем свете она казалась совсем другой, нежели вчера, в сумерках.

Теперь я смогла как следует разглядеть аккуратные белёные домики с тёмно-зелёными и оранжевыми крышами, садики, в которых буйно росли цветы и ягодные кусты, и белье, которое полоскалось на ветру, развешанное на веревках.

То на одном участке, то на другом мелькали хозяева, но они просто провожали меня любопытными взглядами и молча раскланивались, предпочитая пока сохранять дистанцию.

Ну ничего, уверена, скоро подружмся. Когда попробуете мои булочки!

Настроение было замечательным. Солнышко сияло, щебетали птицы, воздух был такой чистый, что будто бы даже слегка сладковатый. Не то, что у нас в городе...

Правда, общую картину омрачали две вещи.

Во-первых, меня ещё не до конца отпустили эмоции после перепалки с Теодорой. С одной стороны, внутри бурлили остатки негодования, а с другой я уже себя слегка корила. Может, не надо было так сразу шугать тетку, а попробовать договориться? У неё же корова, а где корова, там и молоко, которое мне будет так нужно для хлеба. Я бы ей показала, где можно косить, и заключили бы сделку: молоко в обмен на траву...

Ладно. Я сердито тряхнула волосами. С Теодорой будет видно. Гораздо больше меня сейчас напрягало другое.

Стоило мне выйти за ограду, как я заметила неподалёку странного незнакомца в неприметном сером костюме.

Он стоял, с абсолютно безучастным видом прислонившись к стене дома. Однако, стоило мне отправиться в путь, как я краем глаза заметила, что незнакомец тут же отлепился от стены и зашагал следом.

Совпадение? Надо проверить.

Я притормозила и обернулась. Незнакомец тоже остановился. Я двинулась дальше – он двинулся за мной.

Ну нет, на совпадение это не похоже!

Я не привыкла прятать голову в песок и трястись, поэтому вместо того, чтобы шагнуть дальше, я притормозила, резко развернулась и...

Никого не увидела. Незнакомец словно испарился.

Что за чудеса? Может, померещилось?

Пожала плечами и зашагала дальше, хотя на душе было беспокойно. То Теодора, теперь вот...

– Эй, хозяйюшка!

Навстречу мне шёл Клаус, толкающий приземистую тележку. В ней стояли несколько вёдер, полных воды. Я тут же вспомнила, как он рассказывал мне про колодец.

– Доброе утро, – обрадовалась я ему. Приятно было встретить хотя бы одно знакомое лицо, – вам помочь?

– Да ты что, хозяйюшка, – обиделся Клаус, – что ж я, немощный какой, чтобы баба мне помогала?

Насчёт бабы было обидно, но я промолчала. Сосед прищурился, внимательно всмотревшись в моё лицо, цокнул языком и констатировал:

– Тревожит тебя что-то, как погляжу. Верно?

– Ну... – сама не понимая, зачем, я вдруг, как на духу, выложила всю историю с Теодорой. Наверное, поддалась на участливый тон Клауса, да и поделиться уж больно хотелось.

– Наверное, всё же стоило с ней как-то договориться, – со вздохом закончила я свой рассказ, – всё-таки, молоко на дороге не валяется.

Клаус пожевал губами, поскреб в затылке и вдруг ехидно сказал:

– За молоком к нам можешь приходить. Клара его много даёт, мы порой не знаем, куда его девать, по сдельной цене уступлю. А насчёт Тедки даже не морочь себе голову. Нет у неё никакой коровы и никогда не было!

– Чего? – изумилась я. Вот это сюрприз! – Зачем тогда она траву косила?

Клаус прищурился:

– Проверяла она тебя. Это у неё знакомство такое. Хотела выяснить, бережёшь ли ты свой сад и дом или можно свободно приходить, когда ей вздумается, и брать, что захочется.

Я молча смотрела на него, даже не пытаясь осознать услышанное. Всё это было похоже на какой-то сюр, перемешанный с деревенской непосредственностью.

Вот уж действительно, простота хуже воровства!

– Так что ты правильно сделала, что её отвадила, – закончил Клаус и одобрительно подмигнул мне, – она к нам тоже однажды так сунулась, когда только объявилась в Шварцвальде. Только я ей быстро объяснил, что к чему. И рога Клары показал. С тех пор наш дом за километр стороной обходит.

– Спасибо большое, – выдохнула я. От сердца отлегло. Распрощавшись с Клаусом и пообещав обязательно заглянуть за молоком на днях, я поспешила по улице.

Дома вскоре кончились, и по пути мне даже попались две лавки. Точнее, полноценными лавками их назвать можно было с трудом; скорее, это были небольшие будочки с открытыми прилавками. На одном громоздились яблоки, капуста и почему-то фейхоа, а на другом громоздились разные поделки из дерева.

И там, и там продавцы либо отсутствовали, либо прятались, что меня крайне удивило. Либо здесь всё на таком доверии, либо им просто не нужно то, чем они торгуют... ну ладно.

Сделав себе мысленную пометку познакомиться с ними позже – те же яблоки могут отлично подойти для пирогов, а из дерева можно заказать лопаты для хлеба или формы для выпечки – я наконец добралась до угла улицы и завернула направо.

И остолбенела.

Клаус был прав – такую лавку было сложно пропустить!

Глава 13

Лавка была чёрной, как насквозь подгоревшая корка хлеба. Общее сходство усиливали и обуглившиеся кое-где доски, и потемневшие окна. О том, что это именно хлебная лавка, свидетельствовала тёмная от копоти вывеска в виде большого жестяного рогалика.

На моих глазах она с протестующим скрипом закачалась и, не удержавшись, рухнула на булыжную мостовую.

Сердце тут же подпрыгнуло от запоздалого испуга. Стой я немного поближе, вся эта красота угодила бы мне по макушке!

И вообще, что происходит? Здесь что, был пожар?

Вот только если бы обгоревшей лавкой всё заканчивалось, это было бы ещё полбеды. Меня ждал куда более неприятный сюрприз.

На двери что-то белело. Сердце заранее заныло от нехорошего предчувствия, и я подошла поближе.

На меня уставился лист бумаги, приколотый к двери и прижатый большим амбарным навесным замком. На нём чёрными жирными буквами было выведено:

“Внимание! В соответствии с приказом Торговой Гильдии номер три-один-четыре-семь данное здание будет снесено через три дня.”

Внизу стояла закорючка, видимо, притворяющаяся чьей-то подписью, и алела большая печать.

Что за чертовщина?!

Я с негодованием сорвала листок и вчиталась в него снова. Ничего не изменилось, и меня охватило страшное возмущение.

По какому такому праву, интересно, эта Гильдия собралась тут что-то сносить? Да я им... стоп, тут, кажется, ещё и продолжение есть.

И точно. В самом низу листа я не без труда различила мелкий шрифт, больше похожий на сбрендивших муравьев.

“...с претензиями и возражениями просьба обращаться в Центральное отделение Гильдии по адресу: улица Гончарная, дом восемь.”

Рука дрогнула. Ах, с возражениями? Ну, их у меня уже накопилась целая куча. Знать бы только ещё, где эта самая Гончарная улица...

На счастье неподалёку, вниз по улице, я заметила ещё одну лавку. В отличие от моей, на ней не было ни пятнышка копоти. Перед этой лавкой стоял прилавок, уставленный какими-то банками, доверху набитыми не то орехами, не то желудями.

Около прилавка сутился приземистый мужчина в белоснежном фартуке. Он звенел банками, переставляя их с ухватками бывалого напёрсточника.

Замечательно! Похоже, это владелец соседней лавки. Он-то точно должен знать, как мне добраться до Торговой Гильдии и что это вообще за зверь такой.

– Прошу прощения! – окликнула я его. Мужчина вздрогнул и метнул на меня подозрительный взгляд. Правда, потом поднял руку, приглашая подойти. Я немедленно подлетела к нему.

– Гончарная улица? – переспросил он, внимательно разглядывая объявление, которое я ему сунула, – Как же, знаю такую. Видишь вон тот шпиль?

Он ткнул пальцем куда-то мне за спину. Я оглянулась и увидела длинный и тонкий, как серебряная игла, шпиль, взметнувшийся из-за крыш домов и словно пронзающий небеса. На самом его верху полоскался красно-жёлтый флаг.

– Держи курс на него и не промахнёшься, – посоветовал мне мужчина, – а ты сама-то кто? Неужто собираешься хлебом заняться?

– Собираюсь, – деловито сказала я, – буду вашей соседкой. Милена, очень приятно.

И протянула ему руку. Мужчина уставился на неё, подумал немного и осторожно пожал кончики моих пальцев.

– Наслышан уже, – усмехнулся он, – Эмиль Тургао, торгую специями. Только мой тебе совет: лучше уезжай из Шварцвальда. Ни один булочник тут не задерживался.

– Слышала, слышала, – усмехнулась я, – не бережёте вы своих булочников. Только я никуда по поеду и хлебом своим вас угошу.

Мужчина поскрёб подбородок и удручённо покачал головой.

– Ну, как знаешь, – вздохнул он. Тогда попытай счастья в Гильдии. Тебе надо там зарегистрироваться, если всё пройдет гладко, и лицензию на торговлю получишь, и охрану от посягательств.

В его словах я почуяла какой-то подвох.

– Что значит, “если пройдет гладко”? – с подозрением осведомилась я, – Есть какие-то проблемы с регистрацией своего дела?

Ничего не выражающие глаза Эмиля уставились на меня.

– Ходят слухи, – пожал он плечами, – Сам-то я с новой регистрацией не сталкивался, мне лавка со специями по наследству перешла. Плачу себе взносы и живу спокойно... Но ты учти, если что, я тебя не знаю, ты со мной не общалась.

И демонстративно повернулся ко мне спиной, явно показывая, что разговор закончен.

Ну здравствуйте, приехали! То сосед тень на плетень наводит, то лавку подожгут! Кстати, об этом...

– Стоп-стоп-стоп! – запротестовала я, – Объясните, пожалуйста, что вообще происходит, почему вы так говорите? И что случилось с лавкой, её кто-то нарочно спалил?

Эмиль повернулся обратно с таким тяжёлым вздохом, словно я потребовала у него рассказать мне всю историю этого мира, начиная с его сотворения.

– Я ничего не видел, – бесцветным голосом сказал он, – это неделю назад случилось, ночью. Когда прибежал сюда, тут уже всё полыхало. Может, кто-то хулиганил, может, само вспыхнуло. Хорошо, огнеборцы быстро прикатили и всё потушили. А через несколько дней представитель Гильдии явился, повесил замок и записку.

Вдруг его глаза сверкнули, и в них впервые появился живой интерес.

– А вообще слухи про эту лавку в Шварцвальде ходят, – сообщил он, понизив голос до таинственного полужёпота, – говорят, что на ней проклятье лежит. Кто в ней работать начнёт, рано или поздно в этой же лавке и сгинет. Может, из-за него она и загорелась.

И вытаращил глаза – явно для пушей убедительности.

Да что ж такое-то! То Теодора со своей косой заявится, теперь вот Эмиль с проклятиями подъехал. Никто не хочет дать мне спокойно заняться делом!

А рассказы Эмиля и его нарочито таинственный вид больше напоминают детские страшилки про чёрную руку и гроб на колёсиках.

– Послушайте, – сердито сказала я, – не нужно меня пугать. Я никакие проклятия не признаю и лавку всё равно в порядок приведу и открою. Я больше в чей-то злой умысел поверю. Вряд ли это ваше проклятье лично пробралось сюда ночью и подожгло лавку!

Эмиль поджал губы и недовольно нахмурился.

– Моё дело – предупредить, – сухо отозвался он, – потом не жалуйся.

– Благодарю за помощь, – в тон ему откликнулась я, – значит, Гончарная улица, да?

Развернулась, чтобы отправиться на поиски Гильдии, и чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Добрый день, красавица! – весело сказал Эрнест. Он стоял у хлебной лавки, облокотившись на обгоревшую дверь, – Смотрю, ты решила не мелочиться и сразу пустить лавку на дрова?

Глава 14

Эрнесту я обрадовалась, как родному. Даже сама себе удивилась.

Впрочем, оно и не удивительно. Учитывая, что все вокруг ведут себя либо странно, либо недружелюбно, увидеть единственно доброжелательное лицо было приятно.

– Это не я! – тут же заявила я, – Когда я пришла, так и было.

Краем глаза я уловила движение сзади и резко обернулась. Воспользовавшись моментом, Эмиль улизнул в свою лавку. Ну и ладно.

Эрнест усмехнулся.

– А я-то надеялся, что ты уже угостишь меня хлебом, как и обещала, – подмигнул он мне, – специально всё бросил и отправился проверить, как у тебя дела.

Я с показным сожалением развела руками.

– Уж извини, – вздохнула, – хлеб пока откладывается. Сначала мне надо вопросы с Торговой Гильдией уладить.

Глаза Эрнеста сверкнули.

– Проводить тебя? – быстро спросил он, – Я знаю, где она находится.

В окне лавки пряностей что-то закопошилось. Готова на деньги спорить, что Эмиль никуда не ушёл, а сидит около окна и жадно прислушивается ко всему, что происходит снаружи.

В целом, мне как-то на него всё равно. Сидит и сидит, есть не просит.

– А давай, – обрадовалась я, – от сопровождения не откажусь. Тем более, я в Шварцвальде пока ориентируюсь плохо, заблужусь в трёх соснах и пропаду.

– Ты и пропадёшь? – хмыкнул Эрнест, – Не смейся. Ладно, пойдём, и писульку эту захвати.

Он кивнул на записку от Гильдии, которую я по-прежнему сжимала в кулаке, и зашагал вверх по улице. Я наскоро пригладила волосы и поспешила за ним.

По дороге к Гильдии творилось что-то странное. Завидев Эрнеста, люди начинали широко улыбаться, махать ему, хлопать в ладоши и радостно выкрикивать:

– Доброе утро, Эр!

– Как поживаешь?

– Как твои ребята? Заходите на пирожки!

– Спасибо за всё, век помнить буду!

– Чего это они? – удивилась я, переводя дух. Я слегка запыхалась: Ноги у Грейхаунда были длинные, а шаг – размашистым, так что мне приходилось бежать за ним едва ли не вприпрыжку.

Заметив это, Эрнест тут же сбавил ход, и я наконец-то смогла поравняться с ним.

– Помнишь, как наша команда называется? – вопросом на вопрос ответил он.

Я догадалась, что он имеет в виду разбойников, и кивнула:

– Шварцвальдские волки... вроде, так?

– Хорошая у тебя память, – хмыкнул он, – да, верно. Когда-то все мои ребята были обычными жителями Шварцвальда, но потом наступил тяжёлый год. На деревню напали огры, спустившиеся с гор, потом пришли вандалы из кочевого племени... пришлось собирать ополчение и давать отпор. На тот момент этим занимался мой отец, я был слишком уж мелким.

– И как? – спросила я, затаив дыхание. Эрнест с небрежностью – явно показной – пожал плечами.

– Как видишь, успешно, – ответил он, – но потом встала ещё одна проблема. Шварцвальду нужны были деньги для выживания и охрана, а о нас герцог Рейвенн как будто бы забыл. Ну, действительно, разве могущественному дракону нужна какая-то там захолустная деревушка на краю его владений...

Он сделал паузу и с шумом выдохнул. Ноздри его затрепетали, и я заметила, что всё веселье из голоса испарилось. Теперь в нём зазвенела сталь, а я возмутилась про себя. Нет, я не ошиблась в отношении Рейвенна! Этот напыщенный индюк явно старается изо всех сил, чтобы пасть в моих глазах ещё ниже!

По спине тут же юркнули неуютные мурашки. А Эрнест тряхнул волосами и продолжил:

– В общем, самые отчаянные из нас вызвались встать на стражу деревни и собирать дань за проезд с тех, кто едет в Шварцвальд. Правда, мы установили себе несколько железных правил: женщин и детей не трогать, у бедняков последние гроши не отбирать. Отец мой до того момента не дожил, пришлось всё брать на себя.

К концу рассказа голос Грейхаунда вновь потеплел, а черты лица смягчились. Я украдкой выдохнула и сказала:

– Ничего себе! Да у вас благородная цель! А ты, значит, и сам отсюда? И вообще, почему вы выбрали себе такое название – Шварцвальдские волки?

Грейхаунд только загадочно улыбнулся, но вместо ответа кивнул вперёд:

– А вот и твоя Гильдия. Мы пришли.

Мы остановились около трехэтажного здания из светлого мрамора. Оно было вдоль и поперёк изукрашено белой лепниной, разноцветными витражами и чьими-то портретами.

Мне эта аляповатость живо напомнила творение какого-нибудь безумного кондитера, который, беспрестанно хохоча и вращая глазами, сажал на готовый торт все украшения, которые только попадались ему под руку.

Сердце кольнуло от волнения. Я вновь подняла к глазам объявление, снятое с двери лавки, глубоко вздохнула и решительно толкнула дверь. Та оказалась неожиданно тяжёлой и едва приоткрылась... но тут же захлопнулась обратно.

Я в изумлении подняла глаза и увидела сильную руку, протянувшуюся прямо над моим плечом и решительно закрывшую дверь.

– Не торопись, – хмуро велел мне Эрнест, – я тебя сам доведу до мастера.

– Да я сама прекрасно дойду! – попыталась я возразить, но Грейхаунд был непреклонен.

– Я слышал разговоры о нём, – сказал он, взглянув мне пристально в глаза. От этого по мне снова прокатилась туча мурашек, – и похвалы там было совсем мало. Поверь, тебе самой будет спокойнее, если я буду рядом.

– Ну ладно, – вздохнула я, – хочешь сыграть роль моего охранника, давай.

В конце концов, добавила я мысленно, претендентка на открытие хлебного бизнеса, у которой есть свой собственный телохранитель, выглядит куда более внушительно, чем без такового.

Эрнест распахнул передо мной дверь и пропустил перед собой. Я храбро шагнула через порог, ещё не догадываясь, какие сюрпризы поджидают меня впереди.

И приятными их назвать было никак нельзя.

Глава 15

– Что говорите, подожгли лавку? Ай-я-яй, какой ужас! Уверен, наша жандармерия сделает всё, чтобы побыстрее найти негодяев, которые это сделали!

Я сидела в кабинете мастера торговой гильдии Леопольда Бирека, которого про себя почему-то упорно называла Бирюком. Почему, сама не понимала, ведь внешне Леопольд никак ни на какого бирюка не подходил.

Бирюк – это угрюмый одинокий волк, а Леопольд был жизнерадостным мужчиной лет пятидесяти, с прилизанными темными волосами и тонкими усиками. Под богатым сюртуком угадывалось выпирающее пузико, а пальцы были унизаны явно недешевыми перстнями.

На первый взгляд, ему очень подходило имя его тёзки из мультика, но я смутно чуяла, что внешность мастера гильдии обманчива.

– Кошмар, просто кошмар, – качал головой Бирюк, участливо вздыхая.

Эрнест, стоящий за моей спиной, фыркнул. Он наотрез отказался подождать меня у кабинета Бирюка и настоял, чтобы присутствовать при наших переговорах.

“Тебе спокойнее будет, – коротко пояснил он, когда я попыталась возразить, – не сопротивляйся, гонор свой у Леопольда покажешь. Потом мне спасибо скажешь.”

Бирюк метнул на него настороженный взгляд, но промолчал. Грейхаунда он явно опасался.

– Спасибо за сочувствие, – деловито сказала я, – но я к вам не за этим пришла. Я хотела бы занять эту лавку, чтобы печь и продавать там хлеб. Соответственно, мне нужна лицензия и ключ от неё. Эмиль Тургао сказал мне, что всё это можно получить у вас.

И, усевшись поудобнее в кресле, в упор взглянула на Леопольда. Я много раз бывала в кабинетах самых разных чиновников, от налоговиков до пожарных, и уяснила для себя, что в разговоре с ними всегда надо брать быка за рога, а не тратить время на переливание из пустого в порожнее.

На Эмиля я сослалась, чтобы придать словам побольше веса и показать, что я не свежая дурочка с мороза, а уже навожу справки, что тут к чему и почему.

Леопольд прищурился. Его жизнерадостность никуда не делась, но как будто бы слегка увяла.

– Хлебную лавку, значит?

– Да, ту самую, что ваша Гильдия собирается снести, – сухо сказала я и протянула ему объявление, – вот тут сказано, что с претензиями надо обращаться к вам.

Бирюк скользнул глазами по листу и оттолкнул его от себя.

– Да, было такое, – скучающим голосом сказал он, – вы пришли в последний день перед сносом.

– Вот и отлично, – улыбнулась я, – значит, теперь вы видите, что ничего сносить не надо, я её займу! Кстати, что там насчет ключа и лицензии?

Леопольд откинулся на высокую спинку своего кресла, сцепил руки на животе и промурлыкал:

– Ну, предположим, ключ я вам выдам. Но лицензию в нашей Гильдии получить не так-то просто.

– Та-а-ак, – протянула я. Мне очень не понравился такой заход, но к чему-то подобному я была готова. Наверняка сейчас отправит в увлекательное путешествие по местным потребнадзорам и мчсам, – и что для этого требуется?

Или это был прозрачный намёк на взятку? Такое я тоже проходила.

– Для начала разрешите взглянуть на ваш камень рода, – Бирюк подался вперёд и вытянул руку ладонью вверх.

Я молча положила в неё кулон. Леопольд накрыл его второй ладонью и прикрыл глаза на несколько секунд.

Я не знаю, как именно работает камень рода. Внешне всё походило на то, будто Бирюк смотрел диафильм с основными фактами обо мне – вернее, о Милене. Его глаза быстро-быстро бегали туда-сюда под закрытыми веками.

Очевидно, что-то удивило его, потому что в какой-то момент его брови подпрыгнули, едва не столкнувшись с линией волос. Он кашлянул и открыл глаза.

– Так вы жена Орландо Рейвенна? – нутужным шёпотом спросил он.

На секунду я замешкалась с ответом. Был огромный соблазн прикрыться именем герцога и выторговать себе какие-то привилегии – вон, как Бирюк напрягся, явно будет готов пойти на всё, лишь бы не впасть в немилость перед Рейвенном.

Но с другой стороны, я очень не хотела быть хоть как-то обязанной напыщенному индюку. Я неплохо разбиралась в людях и понимала, что таким вот м... чудакам ни в коем случае нельзя добровольно давать в руки хоть малейшую власть над собой.

Потом вцепятся всеми зубами и не отпустят.

– Бывшая жена, – холодно сказала я, – и об этом вы тоже могли узнать у моего камня рода. Никакого отношения Орландо Рейвенн ко мне в данный момент не имеет.

Леопольд поскрёб в затылке. Напряжение схлынуло с его круглого лица, и он заметно расслабился.

– Благодарю за пояснение, – сладким голосом протянул он, и глаза его заблестели, – ну что же, я готов озвучить условия, на которых наша Гильдия выдаст вам лицензию! Во-первых...

– Одну секунду, – вдруг вмешался в разговор Эрнест, и я чуть не подпрыгнула: я уже забыла о его присутствии, настолько тихо он себя вёл.

Он шагнул вперёд и наклонился ко мне:

– Милена, разреши мне тоже сказать ему пару слов.

Я кивнула, недоумевая про себя. Откуда он знает имя Милены? Не помню, чтобы представлялась ему...

Грейхаунд обернулся к Леопольду и навис над ним, опершись костяшками пальцев о столешницу. Бирюк что-то просипел и вжался в своё кресло, будто бы разом уменьшившись вдвое.

– Слушай сюда, – хрипло сказал Эрнест, – если ты сейчас попробуешь выкатить какие-то невыполнимые требования к Милене, будешь иметь дело со мной. А ты, думаю, в курсе, кто такой Эрнест Грейхаунд.

Его голос звучал негромко, но устрашающе, и я невольно поёжилась. Что это на него нашло?

“Может, не надо так?” – хотела я было сказать, но слова отчего-то застряли у меня в горле.

И тут я поняла, что внешне именно Эрнест сейчас напомнил мне волка. Огромного, хищного, вставшего в охотничью стойку и приготовившегося напасть в любую секунду!

А уж Леопольд это явно прочувствовал всей своей натурой!

– Я в курсе, – пролепетал он, не сводя с Эрнеста широко раскрытых от ужаса глаз, – не извольте беспокоиться. Госпоже Лави нужно будет всего лишь...

Глава 16

Услышав условие, я незаметно выдохнула. И только-то?

– Госпоже Лави нужно будет всего лишь испечь хлеб, как пример продукции своей лавки, – пролепетал Леопольд, – ничего сложного!

А вот на этих словах я опять напряглась. Когда кто-то говорит “ничего сложного”, обязательно вылезает какой-то подвох!

– Есть же ещё дополнительные условия, верно? – спросила я, наклонившись вперёд и в упор глядя на Бирюка, – Никогда не поверю, что всё настолько просто.

В глазах Леопольда мелькнула настороженность, и он с удивлением посмотрел на меня. Я его понимала. Наверняка он ждал, что нежная и наивная с виду Милена постесняется допытываться до мельчайших подробностей договора и согласится на всё не глядя.

– Совершенно верно, – с явным неудовольствием выдохнул Бирек, – во-первых, на приготовление к этому испытанию вам даются одни сутки, после чего к вам придёт наша комиссия для оценки. Во-вторых, ваш хлеб должен быть приготовлен исключительно из продуктов, которые вы приобретёте у лицензированных Гильдией торговцев. Для подтверждения вы должны будете предъявить расписки от каждого.

– Кто войдет в комиссию? – быстро спросила я. Леопольд загадочно улыбнулся:

– А это секрет, об этом претенденты узнают только в день проведения испытания.

Так, мне это уже не нравится. Никто не мешает Бирюку насовать в комиссию своих друзей и родственников, а они потом хором скажут, что шиш мне с маслом, а не лицензия. Ладно, разберёмся...

– И это всё? – мрачно спросил Эрнест. Похоже, он тоже не доверял Леопольду и ждал подвоха от каждого его слова.

– Суший пустяк, – торопливо развёл руками Бирюк, – испытание будет проводиться в лавке, и она должна быть готова к приёму клиентов!

Я потрясённо вытаращилась на него.

– Я это должна буду сделать за один день? – вырвалось у меня, – Это же невозможно! Я же сказала, что лавка пережила пожар, я не смогу отремонтировать её за сутки! А мне ещё хлеб надо будет печь.

– И правда, – процедил Эрнест. Желваки на его скулах вздулись, и сходство с волком стало ещё более явным, – я предупреждал тебя, чтобы не смел выдвигать невыполнимых условий!

Леопольд прищурился и откинулся на спинку кресла.

– Я просто озвучиваю наши стандартные условия получения лицензии, – холодно отчеканил он, – все остальные желающие их прекрасно выполняли, так что не вижу никаких проблем. Госпожа Милена, всё в ваших прекрасных ручках!

– Наверняка у остальных желающих не было пожара в их лавках! – не удержалась я. Мои прекрасные ручки нестерпимо зачесались дать Бирюку щелбан.

Он пожал плечами, порылся в ящике стола и протянул мне массивный ключ.

– Дерзайте. Это ключ от вашей лавки. У вас есть целые сутки.

– Просто кошмар! – кипела я, шагая обратно к лавке, – Интересно, этот Леопольд вообще представляет себе, что значит привести лавку к приёму клиентов за одни только сутки после пожара?

– Насчёт этого не волнуйся, – пожал плечами Грейхаунд, – я пришлю своих ребят, они тебе помогут. Ещё и материалов для ремонта принесут.

Я резко остановилась. Повернулась к нему.

– За это огромное спасибо, – с искренней благодарностью сказала, – но...

– Но? – переспросил Эрнест, глядя на меня сверху вниз с плохо скрываемой усмешкой.

Я ткнула его пальцем в грудь и тихонько ойкнула: с тем же успехом я могла бы тыкать каменную стену.

– Пообещай мне, что это будут материалы, добытые честным путем. Не хочу, чтобы в критический момент кто-то из комиссии опознал какие-нибудь свои доски или кирпичи.

Судя по тому, как быстро глаза Грейхаунда метнулись в сторону и обратно, я поняла, что что-то такое он и планировал.

– Обещаю, – хмыкнул он.

– Вот и ладушки, – оптимистично сказала я, – прорвёмся. Кстати...

Я вспомнила ещё кое о чём, что подспудно смущало меня с момента нашей сегодняшней встречи.

– Почему ты так активно вызываешься мне помочь? – спросила я, испытующе глядя на Эрнеста, – То сопроводить в Гильдию решил, то своих людей озадачить материалами для ремонта.

– Подозрительная ты, – протянул Грейхаунд, но взгляда не отвёл, – а на вид – сама невинность. Сказал бы мне кто, что за таким милым личиком скрывается такой характер, никогда бы не поверил.

Я почувствовала, как щёки слегка порозовели, но не дала сбить себя с толку.

– Ты зубы не заговаривай, – упрямо мотнула головой, – просто ответь на вопрос.

– Ладно, – хмыкнул Эрнест, – скажу прямо. Понравилась ты мне, вот и всё. С первой же нашей встречи там, в лесу, когда увидел тебя в экипаже.

В принципе, меня всегда было достаточно сложно смутить, но тут я прямо-таки смешалась.

Грейхаунд был славным парнем, даром, что разбойником. Я была искренне благодарна ему за готовность помочь, но не могла воспринимать его как-то иначе, нежели младшего брата. Хотя такое открытое выражение симпатии мне и польстило.

Наверное, сказалось то, что, несмотря на тело молоденькой Милены, ментально я по-прежнему ощущала себя Натальей Павловной Астаповой, сорокасемилетней женщиной, умудренной жизненным опытом.

– Спасибо большое за честность, – мягко улыбнулась я ему, – но, увы, в ответ могу предложить только дружбу. Ты уж извини.

Грейхаунд ничуть не расстроился. Он рассмеялся, но взгляд остался твёрдым.

– Дружба — так дружба. Мне нравится этот вызов. И знаешь... посмотрим, кто первый сдастся.

Я рассмеялась в ответ, но уже немного нервно. Мне нравилась его прямолинейность и то, что он не пытался как-то юлить или говорить туманными намёками. Но она же всё-таки вносила в наше общение ненужное напряжение.

– Ладно, – подняла я ладони и решительно тряхнула волосами, – хватит топтаться на месте, нас ждут великие дела! Пошли скорее.

Около лавки меня поджидал очередной сюрприз. Напротив её дверей взад-вперёд прохаживался солидный седовласый господин в строгом тёмно-зелёном костюме и с моноклем в одном глазу.

Увидев меня, он сухо кивнул и недовольно процедил:

– Вы Милена Лави? Слышал, вы собираетесь открыть тут хлебную лавку.

– Совершенно верно, – кивнула я, – а с кем имею честь...

– Меня зовут Казимир Грубер, – перебил меня мужчина, поджав тонкие губы, – я владелец пекарни “Лунное зерно”. Вы наверняка слышали о ней, ведь это крупнейшая во всем Шварцвальде пекарня...

Он сделал паузу и смерил презрительным взглядом обгоревшие останки моей хлебной лавки. Я тут же рассердилась на такое высокомерие. Ужасно захотелось утереть ему нос.

– Боюсь, ничего про ваше зерно не слышала, – пожала я плечами, – у вас ко мне какое-то дело?

На лице Казимира отразилась крайняя степень неудовольствия, и его губы и вовсе сжались в тончайшую нитку.

– Я бы хотел обсудить с вами открытие вашей забегаловки, – холодно сказал он и, понизив голос, добавил зловещим тоном:

– А также предостеречь. Просто так. По-добрососедски.

Глава 17

– Предостеречь? – нахмурилась я. Это слово прозвучало угрожающе и совершенно не по добрососедски, – От чего?

– Как я уже сказал, – не моргнув глазом, заявил Грубер, – я владеец крупнейшей в Шварцвальде пекарни...

– Не нужно повторять, – сухо сказала я, – я это с первого раза поняла. Переходите, пожалуйста, к делу.

Грубер поджал губы.

– Я не только владею “Лунным зерном”, – недружелюбно сказал он, – также мне принадлежат и все остальные шварцвальдские хлебные и кулинарные лавки. Даже одна рыбная.

– Всё ещё не понимаю, к чему вы клоните, – сказала я, скрестив руки на груди.

Я слегка покривила душой. Кое-какие догадки у меня уже имелись, но я бы хотела, чтобы он их лично озвучил.

– Я веду к тому, – вкрадчиво сказал Грубер, – что вам ещё не поздно передумать. Откройте здесь какую-нибудь швейную мастерскую, лавку по продаже пряжи, лоток с детскими игрушками... в общем, чем вы, женщины, там занимаетесь.... А про пекарню забудьте. Главное – отойдите подальше отсюда, чтобы не мозолить глаза!

Я аж поперхнулась от негодования. Судя по сдавленному кашлю сзади, то же самое проделал и Грейхаунд.

– Милена, разреши, я сам с ним поговорю, – процедил он и шагнул вперёд. На лице Грубера не дрогнул ни один мускул.

– Если пытаетесь меня запугать, то напрасно, – хладнокровно сказал он, – я таких, как она, уже добрый десяток повидал, и методы вашей работы знал. То хнычете, то мужей ко мне своих подсылаете, чтобы они угрожали. То дети сопливые мне пороги обивают, умоляют, чтобы я их родителей не тронул... тьфу!

Он с явной брезгливостью сплюнул. Я глубоко вздохнула и едва удержалась, чтобы не закатыть глаза.

Ещё один напыщенный индюк. Прямо-таки привет от Рейвенна. Они тут что, почкованием размножаются?

– Я вас услышала, – спокойно сказала я, усмехнувшись про себя. Когда-то я услышала, что если не хочешь потерять лицо, а сказать оппоненту “иди нафиг!” очень хочется, надо просто сказать ему “я вас (или тебя) услышала”. Раздражение снимет сразу же, – но только от своей цели я не отступлюсь. Лавке – быть!

Грубер уставился на меня так, словно я отрастила крылья, окрасилась в зелёный, встала на четвереньки и захрюкала.

– Очень недальновидное решение, – процедил Казимир, но я упёрла руки в бока и продолжила:

– А почему это вы, господин Казимир, так стремитесь выжить меня с хлебного рынка? – прищурилась я, – Сами же хвастаетесь, что у вас куча лавок. Живите с этим спокойно и радуйтесь жизни. Неужели моя скромная лавочка вам настолько мешает?

Казимир презрительно – явно нарочито – фыркнул.

– Да кто вы вообще такая, чтобы опасаться вашей конкуренции! – заявил он, и я вспыхнула от обиды. Ладони тут же зачесались от негодования, – здесь дело в другом.

Он поднял руку и ткнул в мою сторону пальцем.

– Весь Шварцвальд в курсе проклятия этого места, – с налётом зловещей торжественности заявил он, – а это значит, что ваше присутствие совершенно точно принесёт новые проблемы вашему окружению, и мне в том числе. Просто подумайте о безопасности других.

А вот это прозвучало уже совсем бредово и больше напоминало наспех придуманный повод, шитый не просто белыми, а белоснежными нитками.

– Вот что, – решительно сказала я, – мне надоел этот разговор. Я вас услышала. Не пытайтесь меня запугать, это ещё никому не удавалось. Я открою лавку, и точка. Всего хорошего.

Глаза Казимира заledenели.

– Очень хорошо, – процедил он, – в таком случае позвольте откланяться.

– Была рада знакомству, – соврала я, – всего хорошего!

Отвесив мне короткий и явно издевательский поклон, Грубер не спеша двинулся прочь.

Отойдя на пару шагов, он вдруг замер, обернулся на меня и, нехорошо улыбувшись, сказал:

– Ты молодец, раз так смело взялась за дело. Но я бы подумал дважды... Иногда новое начинание приносит больше бед, чем пользы. И не все справляются, когда начинаются... неожиданные трудности.

– И вам не хворать, – невозмутимо сказала я. Казимир, явно ожидавший другой реакции, скривился и ушёл.

– Милена, – вдруг раздался над ухом голос Эрнеста, и я подскочила от неожиданности: настолько тихо он подкрался, – по-моему, это было похоже на угрозу.

– Не просто “было похоже”, а это она и была, – сухо сказала я, наблюдая, как вниз по улице удаляется неестественно прямая спина Грубера, – и зачем ему так сдалась эта лавка...

– Вот что, – категорично сказал Грейхаунд, – я пришлю тебе пару человек, чтобы они присмотрели за твоей лавкой. И не отнекивайся! – тут же добавил он, потому что на моём лице, видимо, отразился протест, – Ты должна думать о своей безопасности.

– Ладно, спасибо, – вздохнула я. Кажется, просто так он не отстанет, – но попроси их сделать так, чтобы их работа не бросалась в глаза остальным. Пусть в клиентов переоденутся, что ли...

– Мои ребята знают свою работу, – хмыкнул Эрнест, – ни ты, ни твои посетители их даже не заметят.

Я поблагодарила его и невольно вспомнила странного человека, который утром преследовал меня. На мгновение мелькнула мысль: уж не Грейхаунд ли его подослал?

И тут же отмела её. Ну, не похож он был на того, кто работает на Эрнеста... тогда кто же это такой был?

Ладно, выясню это позже. Сейчас надо сосредоточиться на подготовке к тесту!

Я вытащила ключ, который мне вручил Бирюк, и сунула в замочную скважину. Повернула. Пружины внутри двери взвыли, но ключ не поддался и не повернулся.

– Дай-ка я, – сказал Эрнест. Легко отодвинув меня, он подошёл к двери и одним резким движением повернул ключ.

С натужным “крак!” дверь распахнулась. Наружу вырвалось облако спёртого воздуха, пахнувшего дымом, гарью и старыми тряпками.

Эрнест первый заглянул внутрь, а у меня не вышло: его широкая спина загораживала собой весь проход.

Присвистнул.

– Что там, что там? – нетерпеливо спросила я, вставая на цыпочки и тщетно пытаясь заглянуть за спину Грейхаунда.

Он медленно повернулся ко мне. На его лице отражалось недоумение пополам с нешуточной настороженностью.

– Взгляни сама, – неожиданно серьёзным голосом сказал он, – только вряд ли тебе это понравится...

Глава 18

Да что же он там увидел?!

В голове тут же пронёсся вихрь вариантов: от огромного провала в полу до очередной деревянной рыбины. Нет, ну а что, вдруг это какой-то местный прикол?

Как выяснилось, с последним предположением я даже не очень далеко ушла от истины.

Когда Эрнест посторонился и пропустил меня, я тут же сунулась в дверной проём и, ахнув от неожиданности, отпрянула.

– Это ещё что такое? – вырвалось у меня. Тут же изнутри пришёл смутный отголосок страха, словно Милена перепугалась ещё больше.

На деревянном полу лавки была щедро рассыпана мука. И это не была обычная куча. Кто-то постарался сделать так, чтобы придать рассыпанной муке округлые очертания, похожие на чью-то голову.

Этот же кто-то старательно изобразил на этой голове лицо, скривившееся, словно от укуса чего-то кислого. Роль глаз при этом исполняли два гладких камушка.

Вишенкой на торте служила веточка кизила, кокетливо воткнутая в кучку муки там, где было нарисовано ухо.

Я поискала глазами и увидела разодранный сбоку мешок. В дыре что-то белелось, и у меня не было сомнений, что это были остатки этой самой муки.

От мешка к инсталляции на полу вели странные мучные следы, похожие на кошачьи, только с более вытянутыми, чем у котов, пальчиками. Эти следы тянулись как от мешка, так и к нему, что убедило меня в том, что это оставил неизвестный нам художник.

Похоже, он просто бегал туда-сюда, зачерпывая всё новые и новые горсти муки!

Как ни странно, при взгляде на эти следы первоначальный испуг отступил. Ну, не верилось мне в то, что обладатель таких милых следов мог задумать что-то плохое!

– И что думаешь? – спросил Эрнест, скептически осматривая инсталляцию, – Может, Казимир постарался?

– Мог, – пожала я плечами, – но я так не думаю. Следы видишь? Либо Казимир превращается в кота и пакостит, либо тут замешан кто-то другой.

Грейхаунд молча перешагнул лицо, что оказалось несложно – ноги у него были длинными, и наклонился над следами. Опустился на одно колено, растёр двумя пальцами муку вокруг одного следа и поднёс к носу.

– По запаху похоже на каура... – протянул он, – но уж слишком мелкие. Кауры обычно размером с корову бывают, да и в города не особо суются. Тем более, не оставляют таких рисунков.

– Погоди-ка, – пробормотала я, во все глаза глядя на него, – как ты мог по запаху что-то определить? Я ничего такого не чувствую.

Эрнест лукаво взглянул на меня, поднялся и отряхнул руки.

– А я что, не говорил? – небрежно спросил он, – Я же оборотень. И не только я. А иначе почему, думаешь, мы Шварцвальдскими волками назвались?

От такого известия у меня зашумело в голове, и я покачнулась. Грейхаунд подскочил ко мне и подхватил под спину, не дав рухнуть на пол. Аккуратно поставил на ноги.

– Оборотень, – с нервным смешком повторила я, – только этого мне для полного счастья не хватало.

– Да ты не бойся, – хмыкнул Эрнест, – я тебя не трону. Это только в сказках волки едят непослушных девочек, в жизни такого не бывает.

– Вот спасибо, – в тон ему усмехнулась я, – ладно, серый волк, некогда нам трепаться, пошли лавку осматривать.

Сказано – сделано. Лавка оказалась небольшой, состоящей из зала, в котором мы очутились, когда вошли, и кухни, скрывающейся позади. Их разделял деревянный прилавок, за которым я обнаружила полки, заваленные старыми бумагами.

Стены зала были чёрными от копоти, отчего он казался очень мрачным. Вдобавок, оконные стёкла тоже были потемневшими. Я тут же распахнула окна, чтобы впустить внутрь не только свежий воздух, но и хоть немного света.

– Кстати, – спросила я у Эрнеста, разглядывающего что-то под прилавком, – а кто такие кауры?

– Нечисть, – спокойно пояснил он, – водятся в диких пустошах или лесных чащах. Они выглядят, как большие коты с рожками. Но они пугливые, никогда не сунутся ни в город, ни, тем более, в дом. Тебе вот это нужно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.